

Владимир Григорьевич Колычев

Мои грехи, моя расплата

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178908
Мои грехи, моя расплата: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-33620-3*

Аннотация

С братвой шутки плохи: либо с ними, либо против них. Если уж выбрал лихую жизнь бандита, быть тебе навсегда меченым. Тут не армия – дембелем не прикинешься... Но Ефим Болотов все же решил отойти от дел, захотелось ему мирной жизни вдалеке от сходов и разборок. Вдобавок ко всему еще и любовь вспыхнула в его сердце. Прихватив любимую, Ефим сбегает от бывших поделщиков в Москву и начинает вести собственный легальный бизнес. Но случайная встреча ломает мирные планы: бывшая девушка сдает Ефима прежним «друзьям». Но он для них вовсе не дружок теперь, а самый настоящий предатель... Следующая встреча уже не случайна: киллеру осталось лишь нажать на спусковой крючок...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владимир Колычев

Мои грехи, моя расплата

Часть первая

Глава 1

Низкое закатное солнце красило рыхлые облачка в багряные тона, вычерчивало длинные тени от церкви с покосившимся крестом, силосной башни, в беспорядке разбросанных изб, телеграфных столбов. Под гулкий перестук колес поезд мчался на восток – скорость, движение, настоящего нет, только будущее. А попутная деревенька плавно погружалась в застывшее прошлое...

У окна, небрежно касаясь поручня, стоял молодой человек в зеленых брюках и солдатской рубашке; он хорошо помнил и это прошлое, и эту деревеньку. Тогда, два года назад, он видел ее в ярком свете утреннего солнца, под сочным голубым небом без единого облачка. Но тогда у него в душе была свинцово-черная туча – по-другому и не опишешь настроение человека, которого насильно лишили двух лет жизни. В тот день его кирзовым сапогом отогнал от окна ефрейтор Власкин, а сейчас он был свободен и мог сколь угодно долго считать верстовые столбы. Старший сержант Ефим Болотов отслужил свой срок и уже совсем скоро будет дома.

По военному требованию ему полагалась плацкарта, но небольшая доплата позволила ехать в купе, с комфортом. Ведь увольнение в запас, как и появление на свет божий, бывает только раз в жизни, и это событие должно быть ярким, запоминающимся. И как жаль, что соседи по купе оказались скучными и совсем не компанейскими. Бабушка с маленькой внучкой, изнеженный паренек в очках с толстыми линзами... Впрочем, молодой человек не унывал, через каких-то два часа он будет в Черногольске. Там – родные, друзья... Там Ларка, которая все два года ждала его из армии. Будут радость встречи, застолье, водка и секс...

Глядя в окно, на фоне мелькающих пейзажей Ефим видел в стекле и собственное отражение. В глазах праздничный огонек, на губах радостная улыбка, ноздри медленно раздуваются, как у человека, учувшего вкусный запах... Тук-тук, стучат колеса. Тук-тук, домой. Тук-тук, домой!

Ефим легонько хлопнул по нагрудному карману, неторопливо выудил сигарету из пачки «Бонда», сунул ее в рот. И только затем повернулся в сторону тамбура, где можно было всласть покурить. Но мысли о табачном дыме развеялись как фимиам на ветру, и виной тому была девушка, вышедшая из купе и вставшая в нескольких шагах от него. И сигарета выскользнула из открывшегося рта...

Ефим знал толк в женщинах, или, по меньшей мере, так ему казалось. Он влюблялся в школе, были у него романы, когда он работал на заводе после техникума, везло ему и на постельные забавы. Имелась у него и своя шкала, по которой он выбирал девушек, сравнивал их между собой, определял, какие достойны его, а о ком лучше забыть. Были у него свои критерии оценки – по чертам лица, цвету и густоте волос, размеру и форме глаз, носа, губ, объему бюста, длине ног и прочему... Если «параметры» отменные, то и шарм есть, и сексуальная прелесть. Так он мог думать раньше, но только не сейчас, когда увидел случайную попутчицу.

Девушка встала у окна, изящным движением руки отодвинула шторку, скупаяще посмотрела в бегущую даль. Она, казалось, не замечала парня, который смотрел на нее одуревшими глазами.

Она была хороша собой, великолепно сложена, но это было ничто по сравнению с обаянием, исходившим от нее. Пышные, не испорченные химией волосы русого цвета тяжело и мягко лежали на плечах; надбровная дуга гармонично сливалась с изгибом красивого, чуть вздернутого носа. О глазах девушки можно было говорить только в превосходной степени, а большие, четко очерченные губы вызвали плотскую жажду, которую можно было утолить лишь долгим и глубоким поцелуем...

В конце концов девушка заметила Ефима, посмотрела на него – слегка удивленно, но скупаяще, как женщина, привыкшая поражать своей внешностью мужчин.

– Я вам не мешаю? – с тонкой мягкой улыбкой спросила она.

Ее мелодичный голос лишь усилил волнение сраженного наповал солдата.

– Э-э, нет, – в глупой растерянности мотнул головой Ефим.

Девушка собралась было еще что-то сказать, но ее окликнул мужской голос:

– Дана!

Ефим узнал, как зовут красавицу, но лишился возможности любоваться ею. Девушка скрылась в своем купе, а ее место занял кряжистый мужчина лет тридцати. Спортивная «площадка» на крепкой голове, набухшие холмы крупного лба, изрытые рубцами хребты надбровий, большой и сильно приплюснутый нос, полная верхняя губа и тонкая нижняя, ямочка на тяжелом волевом подбородке. Массивная золотая цепь украшала борцовскую шею, тельняшка трещала по швам под натиском мышечной массы.

Мужчина окинул Ефима цепким оценивающим взглядом. Одна его бровь выражала удивление, другая – раздражение.

– Тебе чего надо, солдатик? – грубо и снисходительно спросил он.

– Пройти надо, – буркнул под нос Ефим.

– Ну иди, иди...

Атлет задом втиснулся в дверной проем своего купе, кивком показал ему, что можно продолжить путь.

Ефим тяжело шел к тамбуру, звук закрывшейся двери заставил его похолодеть от скабрезной мысли. Дана осталась наедине со своим мужчиной, сейчас они запрутся, и он прижмет ее к нижней полке... Молодость глупа и эгоистична, оттого и порождает порой нелепые мысли. Оттого и думал Ефим, что все женщины мира рождены для него. Кому-то из них повезет быть с ним, но подавляющее большинство так и умрет в бесплодных мечтаниях о счастье с самым лучшим мужчиной на земле. Дана повезло: судьба свела ее с ним, и она должна была немедленно бросить своего никчемного кавалера, чтобы не упустить свое счастье...

Ефим выкурил одну сигарету, вторую, зажег третью, а Даны все не было. Или не хотела идти к нему, или атлет удерживал ее силой... Последняя мысль взбесила его, и он было устремился к купе, чтобы вырвать красавицу из лап чудовища. До призыва Ефим серьезно занимался боксом, в армии увлекся силовой атлетикой, в настоящем собирался продолжать в том же духе. И все же он остановился на полпути. Сначала ему подставил подножку фактор страха: как минимум соперник не уступал ему в физической силе, а скорее всего превосходил. Остывая, Ефим ощутил неловкость от собственного поведения. Поэтому глупо было стучаться в закрытую дверь, чтобы получить на орехи на глазах у Даны. А потом, не менее глупо было выяснять отношения с человеком, который, возможно, знаком с ней лишь поверхностно.

Поезд уже пересек черту города. В окне мелькали коробки высотных зданий, раскидистые опоры высоковольтных линий, шлагбаумы железнодорожных переездов, потяну-

лись высокие бетонные стены вагоноремонтного завода, заборная мазня: «Слава КП и СС!», «Виктор Цой жив!»... Еще совсем чуть-чуть, и покажется водонапорная башня, за которой сразу же начнутся навесные переходы вокзала. Ефим уже собрался: надел китель, фуражку, взял в руку спортивную сумку. А Дана все не появлялась...

Поезд замедлял ход, пассажиры нервно тянулись на выход, а дверь в ее купе оставалась закрытой.

– Сынок, ты бы помог пожилой женщине, – просительно посмотрела на него соседка по купе.

Ей было лет пятьдесят, не больше, и выглядела она для своего возраста свежо и бодро, потому и захотелось Ефиму вежливо послать ее куда подальше, но вместо этого он взялся за ее баулы.

Он не торопился – хотелось увидеть, как и с кем выходит из своего купе Дана. Но соседка подталкивала его к переднему тамбуру, где уже толпился народ.

Поезд остановился, проводница открыла дверь, и женщина вытолкала Ефима на перрон. С тяжелой поклажей он по инерции едва не врезался в широколицего парня с могучими плечами.

– Тпрр, военный! – свысока улыбнулся он, обнажая обломки двух резцов, соседствующих с правым верхним клыком.

И губа в этом же месте припухшая. Нетрудно понять, что случилось с этим парнем накануне, гадать можно было только над тем, чем пересчитали ему зубы – кулаком или ногой.

Он был в черной куртке из лайковой кожи, в спортивных брюках с широким прямым низом, на ногах кроссовки с твердым ударным носком. Над воротом футболки красовалась крупнозвенная цепь из «цыганского золота». Внушительный вид, агрессивная энергетика. Рядом с ним возвышались такие же парни – все как на подбор в черных кожанках и с цепями. Кичливо гордые, вызывающе независимые, развязно дерзкие. Людской поток обтекал эту грозную ватагу, как горная река скалистый утес – побыстрей, от греха подальше.

Ефим отошел в сторону, поставил баулы на землю. Он уже догадался, кого встречают эти парни.

– Ну, пошли, пошли! – дернув за рукав кителя, поторопила его женщина.

Ее с внучкой никто не встречал, и, похоже, она собиралась эксплуатировать попутчика как минимум до троллейбуса.

– Сейчас, перекурю только.

Болотов уже понимал, что отвязаться от нее не удастся, но еще не совсем смирился со своей участью добровольного раба.

– Вредно курить! – менторским тоном заявила женщина.

– Очень вредно! – топнув ножкой, подтвердила девочка.

Но Ефим и ухом не повел. Он хотел увидеть Дану, а если повезет, навязать ей знакомство и проводить домой.

– Пошли, пошли, нас уже дома ждут, – подгоняла его бывшая соседка по купе.

– А мне какое... дело?

Он запнулся, увидев атлета, легко спрыгнувшего с подножки опустевшего вагона. Махнув рукой встречающим парням, он помог спуститься Дане. Да, они были вместе, и она мило улыбалась своему спутнику, опираясь на его руку.

– Здорово, Макар!

Он видел, как широколицый парень в знак приветствия крепко пожал руку авторитетному атлету, приобнялся с ним.

– Привет, братва!

– Как Москва?

– Да лучше не бывает!

Ефим растерянно смотрел на Дану. Красивая, модная и недостижимая. Она стояла в сторонке от своего кавалера и, опустив глаза dolu, с блуждающей улыбкой на губах беспокойно теребила ремешок своей сумочки. Она не принимала участия в разговоре, но Макар не упускал ее из виду. Окинув быстрым взглядом пространство вокруг, атлет зацепился за Ефима, и ему очень не понравилось, какими глазами он смотрит на Дану. Нахмутив брови, он повел головой и грозно шагнул в его сторону.

И как раз в этот момент Ефима снова потянули за рукав.

– Ну, пошли же скорей! – не унималась женщина.

Лучшего предлога было и не найти, чтобы покинуть опасное место. Ефим схватил баулы и быстрым шагом направился к зданию вокзала.

– Еще раз увижу!.. – донеслось ему вслед.

Что будет в этом случае, Макар не сказал, но и так было ясно.

– Еще посмотрим, кто кого, – пробормотал себе под нос Ефим.

Он тоже чего-то стоил в этой жизни, и у него есть друзья, с которыми никакой Макар не страшен... Он шел, представляя, как сходится в открытом бою со своим соперником, как сильным ударом в голову сбивает его с ног, как рукоплещет ему Дана...

А на троллейбусной остановке он очнулся и, опустив баулы на землю, сокрушенно почесал затылок. Он должен был проследить за Даной и Макаром, узнать, где они живут. Как он теперь их найдет в большом городе? Как будет сражаться за свою любовь?

Глава 2

– Ефим! Вернулся! – Ларка гирей повисла на шее Ефима.

– Знаю, что вернулся, – натянуто улыбнулся он.

Ларка повзрослела за два года, некогда угловатые формы округлились, грудь вздулась, бедра расширились. Она стала более женственной, и даже более симпатичной... Но после Даны он просто не мог смотреть на нее, от прежнего обожания не осталось и следа. Сохранилось только желание – и то как следствие голодного армейского прошлого.

– Как же я тебя люблю!

Она подобрала под себя ноги, и Ефим едва не просел в коленях под тяжестью ее тела... Вот если бы Дана повисла на нем, он вряд ли бы почувствовал ее вес...

– Хочешь, люби.

– А ты? – еще крепче прижавшись к нему, спросила она.

– Я хочу... Мамунь, мы скоро?

Отец ушел добывать водку в дополнение к тем двум бутылкам, что привез сын, мама на кухне жарила котлеты, старшая сестра с мужем еще не подъехали, Джек, Болек и Заз только собирались к нему. Время еще есть, чтобы вспомнить с Ларкой прошлое. Проводы, например, когда он пытался насытиться ею впрок. Девственности она лишилась раньше, но в тот день клятвенно обещала дожидаться его из армии. Обещала и дождалась. Зачем?

Ларка жадно набросилась на Ефима, он и опомниться не успел, как оказался под ней в одной только майке. И сама она расчехлилась «от» и «до» – как по команде, за сорок пять старшинских секунд.

– Какой же ты классный! – счастливо пробормотала Ларка.

– Это у тебя экстра-класс, а я так...

В постели она окунула его и себя в индийскую Камасутру с вакхальными элементами шведско-немецкой видеоклубнички, о чем в армии он мог только робко мечтать.

– Где научилась?

– Я?! Научилась?! – опешила она. И возмущенно: – Ничего я не училась! Это у меня от души!.. Я так тебя ждала! Так мечтала, что мы с тобой...

– Мечты имеют свойство сбываться, – невесело улыбнулся Ефим.

– А ты мечтал? – настороженно посмотрела на него девушка.

– Вот я и говорю, что сбываются, – отделался он расплывчатой фразой.

– Ты меня любишь?

Он приготовился солгать, но от этого его спасли громкие голоса в прихожей.

– Ефим, братуха! – гаркнул Джек – Женя Лебедихин, чемпион области по боксу, тяжеловес.

Дверь в комнату содрогнулась от увесистого, но далеко не самого мощного удара.

– Ефим! Выходи, подлый трус! – хохотнул Заз, получивший свою кличку в честь Запорожского автомобильного завода.

Звали его Костя Запорожнев, и был он тоже боксером, – мастер спорта, серебряный призер союзного первенства, но в более легком весе.

– Да он там с Ларкой! – подал голос Болек.

Болеслав Гуревич, поляк по отцу и краснобай по матери, также занимался боксом, но далеко не так успешно, как его друзья. Зато он все про всех знал, и язык у него был подвешен, как у хорошего замполита.

– Братишка, ты там не затягивай! Нам оставлять не надо! Выходи скорей! – отбарабанил Болек.

– Выхожу!

Ларка еще не успела прикрыть свою наготу, а Ефим был уже в брюках и майке.

– Ой! – Девушка увидела, как открывается дверь, и шустро юркнула под одеяло.

– Ефи-им! – Джек одобрительным взглядом окинул его. – Ну ты амбал!.. Здорово, брат!

Ефим всерьез занимался силовой атлетикой. На втором году службы каждый вечер – и в дождь и снег – качал железо в спортгородке. И на турнике за все это время сантиметров на десять вытянулся. В общем, окреп и возмужал. Но все же ему пришлось туго, когда Джек заключил его в свои медвежьи объятия; Ефим чуть не лопнул от напряжения в небезуспешной тем не менее попытке совладать с его натиском.

– Могу-уч! – прогудел Лебедихин, отпуская его.

Заз не стал испытывать Ефима на прочность. Приветливо пожал ему руку, в дружеских объятиях легонько похлопал его по спине.

– Ефим, братишка! – расплылся в улыбке Болек. – Через две весны, через две зимы...

Он не служил в армии, но так же, как и Ефим, за два года прибавил и в росте, и в массе.

Черные волосы, зализанный пробор, шельмовские глазки, узкий с горбинкой нос, пухлые влажные губы. Но как одет – модный спортивный костюм, дорогая кожанка.

Джек и Заз были в таких же куртках, и казалось, вросли в эту кожу – сколько времени они в доме, но раздеваться не торопятся... И цепи у них на шеях, из такого же дешевого золота, как на тех парнях, которые встречали Макара.

И внешне они чем-то были похожи на тех ребят: такие же внушительные и нахально раскованные. И так же, как на вокзале, здесь разыгрывалась встреча. Макар вернулся из Москвы, а Ефим – из армии. И с женщинами схожая ситуация: и Дана тогда была в сторонке, и Ларка сейчас таилась под одеялом. Различие заключалось лишь в том, что Макар скорее всего любил свою подругу, а у Ефима к Ларке уже не лежала душа...

– Ну и чего ждем? Раздеваемся, проходим в зал! – забористо, но с добродушной улыбкой сказала мама.

Она уже накрыла стол, а отец разлил водку по стопкам – в нетерпеливом ожидании начала торжества.

– Здорово, Аркадий Ефимович! – бравурно поприветствовал его Джек.

К счастью, он не стал жать ему руку в привычной своей манере, иначе со своей дурной силой переломал бы ему пальцы. Ефим пошел в мать, которая была у него крупной женщиной, с широкой тяжелой костью, потому и в рост он удался, и вширь. А отец был худым и тонкокожим. Он любил заглянуть в стакан, но, в отличие от многих своих друзей, не спился, потому что побаивался маму, которая могла приструнить его и грозным окриком, и кулаком.

– Вдруг откуда ни возьмись... Лариса, привет!

Болек первым увидел вошедшую в комнату Ларку, разомлевшую от встречи с любимым. С развязной улыбкой поздоровался с ней и хлопнул по свободному стулу подле себя. Но девушка лишь мельком глянула на него и опустилась на диван рядом с Ефимом.

– А чего такая невеселая? – не унимался Болек. – Ефим из армии вернулся, радоваться надо... И нам тоже радуйся. Мне, например... Что тебе мешает радоваться?

Он бы продолжал в том же духе, если бы Заз не ткнул его локтем в бок.

– Ты, Ефим, не обращай на него внимания. Парень перевозбудился, встрече обрадовался, все такое...

– У самого скоро проводы, – усмехнулся Джек.

– Ну, если Ларка меня провожать будет, тогда да, – нахально улыбнулся Болек.

Он был единственным из всей компании, кто не служил. Джек и Заз уволились еще год назад, хотя были одного с Болеславом возраста.

– А тебе что, моя Ларка нравится? – пристально посмотрел на него Ефим.

– Угадал, – кивнул Заз. – Сохнет он по твоей Ларке...

– Не сохну, а сырею. Горючими слезами заливаюсь, – хмыкнул Болек. И, улыбнувшись через силу, поднял тост: – Давай, Ефим, за тебя выпьем! За твое возвращение! Физкульт-ура!

– Ну и как нынче мотострелки живут? – выпив, с легкой насмешкой спросил Джек.

– Да как обычно.

– Рожденные ползать...

– Ой да ладно, сам-то много летал? – поморщился Ефим.

– Да уж было, и летали, и прыгали...

Джек служил в десанте, Заз – в морпехе, а Ефима угораздило попасть в мотопехоту.

– Да ты не расстраивайся, – хмыкнул Джек. – Болек у нас тоже в пехоте служит... И не только он...

– Это ты о чем?

– Да так, есть одна тема... Потом поговорим...

Еще не выпили и половины, когда Джек засобирался.

– Пора нам, брат, – сказал он с видом человека, уходящего на войну.

– Шутишь? – удивленно посмотрел на него Ефим.

– Да какие уж тут шутки, когда дела? – поднимаясь со своего места, с важным видом изрек Заз.

– Какие дела?

– Пошли, воздухом подышим...

Ларка собралась идти на улицу вместе с ним, но Болек ее удержал:

– Не женское это дело...

Во дворе у подъезда стояла красавица «девятка» цвета «мокрый асфальт» с тонированными стеклами. И к удивлению Ефима, Заз открыл водительскую дверь своим ключом, взялся за руль.

– И ты садись, – легонько подтолкнул его к машине Джек.

– Давай, давай, – увлекая его за собой на заднее сиденье, залихватски подмигнул ему Болек.

Конец мая для Южного Приуралья – пора прохладная. И чем ближе к ночи, тем студнее воздух. Плюс к тому еще и дождик накрапывать стал. А в салоне машины тепло и сухо, и музыка из динамиков мягко льется.

– Вот так и живем, брат, – обернувшись к Ефиму, сказал Джек.

– Как так?

– На крутых тачках ездим, в коже ходим... Не понимаешь? – пристально посмотрел на него Заз.

– А ты думаешь, я тупой? – тем же ответил ему Ефим.

Он служил в крупном областном центре недалеко от Москвы, с людьми общался, в увольнениях был, знал, что вытворяют крутые отчаянные парни – народ пугают, обкладывают коммерсантов данью, друг с другом воюют, бьются насмерть в жестоких драках. Новое время, новые рыночные отношения... Милиция, говорят, в замешательстве, властям наплевать на все, кроме собственных карманов... И в самом Черногорьске два года назад уже улавливались подозрительные движения, поутихшая было вражда между районами вспыхнула с новой силой, «Пятый квартал» ходил на «Белую речку», «Южники» выясняли отношения с «Центром». И в спортзале, где занимался Ефим, иногда становилось тревожно, тот же «Пятый квартал» чуть ли не в открытую вербовал бойцов из боксеров, тренер дядя Лева пробовал этому помешать, но пострадал – кто-то неизвестный проломил ему голову железным прутком, и незадачливый «миротворец» надолго слег в больницу...

– Рэкет? – спросил он, демонстрируя свои познания в суровых реалиях дикого капитализма.

– Ну, можно сказать и так, – кивнул Джек.

– А если точнее, мы людей защищаем, – с самым серьезным видом сказал Заз.

– Каких людей?

– Разных... Непокойно в городе, гопота, спортсмены, старые, новые. И все как с цепи сорвались, всем деньги нужны, вот и кидаются на коммерсантов как собаки. А мы этих людей защищаем, ну, чтобы они спокойно работали...

– Спокойно работали... – скривился Джек. – Да их тут как телков режут. Если б не мы, всех бы перерезали...

– Кто это мы?

– Мы это мы... Команда у нас... Телегина ты знаешь.

– Виктора Яковлевича?

– Я же говорю, знаешь. Он и раньше нас тренировал, и сейчас тренирует...

– Нас Кротов тренировал, – не согласился Ефим.

Виктор Яковлевич Телегин был хорошим тренером, но занимался он с группами помладше, хотя иногда и замещал Кротова, который в свое время и поднял Ефима до уровня мастера спорта. Телегин в этом плане послабей был – молодой, горячий, но без должного опыта.

– Кротов сейчас в Перми работает, а Телегин у нас... Он ребят собрал, сказал, что людям помочь надо, мы с ним согласились, ну... В общем, коммерсантам помогаем...

– И они вам за это платят?

– А кто сейчас за бесплатно что-то делает? Менты и те зарплату получают...

– Но мы не менты, – покачал головой Джек. – Мы круче... Нас боятся, нас уважают, и с техникой у нас получше. Они на «калошах» ездят, а у нас какие тачки, сам видишь. А Телегин себе «Мерседес» взял, там такой конь, обзавидуешься...

– И что дальше? – смочив слюной пересохшее горло, спросил Ефим.

– А что дальше? Дальше ты сам должен выбирать, или с нами, или без нас...

– А куда тебе деваться? – спросил доселе молчавший Болек. – Куда пойти, куда податься? На завод гайки крутить? Так стоит ваш станкостроительный, кому сейчас эти гробы нужны, когда за границей такая техника, что вам и не снилось...

– А зачем ты мне это говоришь? – изобразил удивление Ефим. – Меня что, уговаривать надо?

Силой его природа не обидела, амбициями тоже. Мастером в цеху вкалывать неохота, да и не для того он свою физическую мощь ковал. Он хорошо жить хочет, красиво, чтобы в коже ходить, на «девятках» ездить и чтобы карман тяжелила звонкая монета. И чтобы боялись его, чтобы уважали... И чтобы Макар не смотрел на него больше как на собачью плешь, чтобы на равных с ним общался...

– А я знал, что ты согласишься, – задорно подмигнул ему Джек.

– согласишься... – усмехнулся Болек. – Да к нам чтобы попасть, в очередь выстраиваются... И ты бы в очереди стоял, если бы не мы...

– Какая очередь? – хмыкнул Заз. – Это для всех очередь, а Ефим уже давно в нашей теме, спортзал для него дом родной... Там сейчас все наши, завтра поедем, с Телегиным поговоришь, он человек правильный, он тебе все расскажет, к нам в бригаду поставит...

– К вам, в бригаду?

– А ты думал. У нас тут все серьезно, даже круче, чем у «речных»...

– А что, «Белая речка» крутая?

– Отстал ты от жизни, брат. «Речные» весь город под себя чуть не взяли. «Синих» задавили, «Пятый квартал» подмяли, айзеров успокоили, да весь «центр» под них лег, отвечаю. Короче, если б не мы, они бы весь город держали. Мы у них север отбили, все восточные кварталы наши, «центр» с ними делим. Им свое, нам свое, нормально, короче, живем... Мы,

например, барахолку на Дзержинке держим, там такие навары, что как сыр в масле кататься будешь...

– Ну чего ты его уговариваешь? – улыбнулся Джек. – Человек и сам понял, где мед, а где деготь... Ложку дадим, пусть мед хлебает...

– А Макара знаете? – некстати спросил Ефим.

– Макара?! Какого Макара?

– Ну, я не знаю, кличка это или зовут его так. Здоровый такой, видно, что спортсмен, мы с ним в поезде ехали, тельник у него десантский...

– Ну, тельник – это не примета, – в раздумье покачал головой Заз.

– Еще цепь у него золотая, вот, в мой палец толщиной...

– Цепь? Цепь – это круто...

– Золото высокой пробы. Я, конечно, не специалист, но видно, что проба хорошая...

– А у нас что, плохая? – тускло спросил Джек. И сам же себе ответил: – Если честно, дерьмо турецкое, триста семьдесят пять грамм на кэгэ... Ничего, я себе скоро три девятки возьму...

– Значит, не знаете Макара, – решил Ефим.

– Он из братвы или сам по себе?

– Его на вокзале братва встречала... И Дана с ним...

– Кто?! Дана?! – встрепнулся Болек. – Красивая, да, такая?

– Что есть, то есть...

– Ну так бы сразу и сказал... Это Дана Ольховская, наша черногольшкая мисс прошлого года. Ее на «Мисс Россия» приглашали, а Макара не пустил... Лева Макаров, он у Демида в бригадах... Демид и Усач, они над «речными» стоят, ну, если не знаешь...

– Уже знаю... Значит, Макара против нас.

– Против нас, – кивнул Джек и с кислым видом огладил скулы. – Я его конкретно знаю...

– Мы с ихними зимой сходились, на речке, чисто ледовое побоище, – пояснил Заз. – Джек ему нос поломал, а Макара ему скулу выбил... Весело, короче, было...

– А тебе зачем Макара нужен? – с интересом спросил Болек. – Ты что, на Дану запал?

– Я запал?! – чувствуя, что краснеет, мотнул головой Ефим.

– Да ладно, не запал. У меня у самого кровь в жилах застыла, когда ее увидел... Макару повезло, не вопрос, с такой лялькой живет... Значит, в поезде с ними, говоришь, ехал? – внимательно посмотрел на него Болек.

– Да. Они в Москве были.

– Он тебе это сам говорил?

– Нет... Я его всего один раз видел, он из купе выходил... Его на вокзале встречали, там у него про Москву спросили, он сказал, что лучше не бывает...

– Что он там делал?

– Спроси что-нибудь полегче.

– Что еще слышал?

– Это что, допрос?

– А ты, Ефим, не дуйся, – без тени какой бы то ни было иронии сказал Заз. – Дело серьезное, твой Макара – наш враг, «речные» к заводу плотно подобрались...

– К какому заводу, к нашему?

– Да наш на ладан дышит... Медно-серный завод, там медь, цинк, сера, на это за кордоном большой спрос... Все через Москву идет, может, Макара контакты там какие налаживал...

– Не знаю ничего.

– Ну не знаешь и не знаешь... Ты домой иди, а у нас тут одно дело есть. Завтра в спортзале встретимся, к десяти подходи, я с Телегиным насчет тебя поговорю. Вместе дела делать будем...

Друзья уехали, а Ефим как неприкаянный отправился домой. Ему не хотелось на дискотеку, где можно было пошуметь и подраться в свое удовольствие, он не думал о Ларке, которая ждала его дома. Все мысли были заняты Даной и ее авторитетным кавалером. Он думал о том, что все складывается лучше некуда. Он займет свое место в команде Телегина, он станет частью единого и могучего целого, и не он, а Макар будет бояться его. Рано или поздно они сойдутся в жестоком бою, Ефим возьмет над ним верх и докажет всем и ему в частности, что имеет все права на Дану. Тогда же он предъявит ей эти права, и она станет его женщиной...

Глава 3

Хук справа, свинг слева, апперкот... Удары сильные, быстрые, и, как ни оборонялся Ефим, некоторые из них достигали цели... Это был не просто бокс, в этом поединке в ход шли не только руки, но и ноги. А его противник находился в прекрасной физической форме, чем Ефим, увы, похвастать не мог...

Телегин решил испытать Ефима на прочность, поэтому и выпустил на ринг против сильного соперника. Против Болека, о мастерстве которого в недавнем прошлом Ефим судил с оттенком пренебрежения. Но времена изменились, за два года Боек многого достиг.

Но как бы ни силен был Боек, Ефим все же держался с упорством спартанцев в Фермопильском ущелье. Два раза побывал в нокдауне, но все равно продолжал огрызаться, и его контратаки нет-нет, но достигали цели, заставляя противника осторожничать... Он мог бы продержаться еще пару раундов, но их было шесть, и вряд ли он сможет удержаться на ногах до конца. Силы уже на исходе, голова похожа на колокол: каждый удар отдается тяжелым гулом. После четвертого раунда он понял, что у него есть только один шанс с достоинством выйти из боя. Только нокаут мог спасти положение, поэтому, выбрав момент, Ефим ринулся в решающую атаку, но... Убойный джеб на противоходе по эффективности своей мог сравниться с выстрелом из противотанковой пушки. Кулак врезался точно в подбородок, и Ефим «поплыл». Но рефери не остановил бой, и, воспользовавшись моментом, с разворотом в прыжке Боек вплепил ему пяткой под ухо. Это был полный разгром.

В себя Ефим приходил в раздевалке, куда и зашел авторитетный тренер. Недорогой, ладно сидящий спортивный костюм, на груди – круглый двухкнопочный секундомер. Сам он был средних лет, заурядного роста, умеренной комплекции; в его внешности не просматривалось ничего устрашающего – удлиненная голова с выпуклым лбом и выдающимися скулами, глубокие залысины, выразительные глаза, короткий узкий нос, большой рот, влажные губы. Мягкий невзыскательный взгляд, приветливая улыбка... Но при этом он обладал подавляющей энергетикой; глянув на Телегина, Ефим испытал желание подняться ему навстречу. И даже попытался это сделать, но, не удержавшись на ногах, снова опустился на скамью. Находившийся с ним Джек поспешил покинуть раздевалку.

– Как самочувствие? – добродушно спросил Телегин.

Голос негромкий, шелестящий, убаюкивающий.

– Спасибо, ничего...

– Ничего – это когда вообще ничего. Ты должен отвечать конкретно, хорошо или плохо.

– Хорошо, – замороженно кивнул Ефим.

– Вот и я вижу, что хорошо. И против Гуревича ты держался хорошо. Для своего нынешнего состояния. Ничего, будешь заниматься, вернешь себе форму... Или бокс тебе не интересен?

– Бокс – да, а у вас тут, я посмотрю, кикбоксинг...

– Кому-то нравится первое, кому-то – второе, а самый оптимальный вариант – и то и другое...

– Как скажете, Виктор Яковлевич, так и будет.

– Вот это уже разговор, – покровительственно улыбнулся Телегин. – Как я скажу, так и должно быть... А что я должен тебе сказать?

Ефим благоразумно промолчал. Он человек маленький, в его положении нужно больше слушать и меньше рассуждать...

– Женя Лебедихин говорил мне, что ты хочешь быть с нами, – тренер говорил все так же тихо, но голос его затвердел, а взгляд стал колючим.

– Хочу, – кивнул Ефим.

– Ты хоть понимаешь, что это такое?

– Да, Женя мне говорил.

– Что он тебе говорил?

– Говорил, что вы охраняете коммерсантов, ну не безвозмездно, конечно...

– Корысть – это шпалы, на которых строится дорога прогресса. Пока человек нуждается во благих, общество обречено на дальнейшее развитие... И все же деньги – это не самое главное. Есть еще и второй кит – власть и уважение... Но это для тех, кто наверху. А ты начнешь снизу, и твой кит – чиновничество и дисциплина. Отсюда вопрос: готов ли ты подчиняться мне беспрекословно?

– Да, – не раздумывая, ответил Ефим.

Как это ни странно, но Телегин усомнился в его искренности.

– Возможно, ты не совсем понял мой вопрос, – покачал он головой. – Ты служил в армии, ты привык подчиняться. Но ты служил в армии мирного времени, где разгильдяйство – норма, где можно послать командира очень далеко и тебе за это ничего не будет... Или скажешь, что я не прав?

– Ну, все зависит от командира...

Ефим служил в роте, где командир первого взвода был гораздо более уважаем, чем ротный – генеральский сынок, сопля и карьерист. Слово старшего лейтенанта Осокина – закон, а капитана Закольного никто не боялся, хотя орать он умел так, что уши закладывало. Приказы ротного исполнялись через раз, и ничего. Наряды вне очереди не в счет, этим особо никого не напугаешь. А на гауптвахту посадить проблематично: там то ремонт, то амнистия, то еще какое-нибудь безобразие. Впрочем, Ефим там однажды побывал, но ведь живым оттуда вышел и даже здоровым...

– Но, в общем-то, вы правы, Виктор Яковлевич, – не смог не согласиться он.

– Прав. Потому что я знаю жизнь, потому и прав... В армии военного времени все по-другому, неисполнение приказа – трибунал и смерть. Что расстрел, что штрафная рота – как ни крути, смертный приговор... Считай, что у нас армия военного времени...

От его слов повеяло могильным холодом, и Ефим невольно поежился.

– Ты меня понимаешь? – жестко посмотрел на него Телегин.

– Кажется, да.

– Кажется бабе, когда «красные дни» не приходят... Что, страшно стало? Не хочешь под трибунал?

Тренер говорил едко и строго, и у Ефима мысли не возникло, что с ним шутят. Хотя, казалось бы, какой мог быть в спортзале трибунал?..

– Мое слово – закон, – продолжал Телегин. – За неисполнение – смертный приговор. Вот и скажи, готов ли ты к такому?

Ефим угнетенно молчал.

– Вот видишь, не все так просто, – разочарованно сказал тренер, медленно поднимаясь со своего места.

– Готов! – собравшись с духом, выпалил парень.

И Телегин снова сел на скамью, с мрачной иронией посмотрел на Ефима.

– Пойми, у нас очень серьезная организация. И у нас, как в армии, есть свои секреты. Еще в армии есть формы допуска к секретной работе, форма один, форма два, я знаю, что говорю. Первая форма выдается на десять лет, вторая – на пятнадцать, без права выезда за рубеж. У нас – особая форма, пожизненная и без права выхода за пределы нашей организации. Вход есть, а выхода нет... Вот и подумай, нужно тебе это или нет?

Тренер пристально смотрел на Ефима. И с ответом не торопил.

А он должен был дать ответ. Потому что хотел быть заодно и на равных со своими друзьями, которые, кстати сказать, не побоялись принять жесткие условия совсем не детской

игры. Он хотел иметь такую же кожаную куртку, как у них, носить золотую цепь, ездить на «девятке». И еще ему нужен был такой вес в обществе, чтобы ради него Дана отказалась от своего Макара...

Ефим набрал в легкие воздуха, как будто собирался погрузиться в морскую пучину.

– Я все понял, – выдохнул он. – И я согласен.

Телегин улыбнулся, как Мефистофель в момент, когда прикладывал коготь к пергаменту, где только что кровью доктора Фауста был составлен дьявольский договор.

– Одного согласия мало. Поклянись, что согласен.

– Клянусь!

– Что ж, я согласен принять твою клятву, – поднимаясь со своего места, сказал он.

В дверях остановился и, не оборачиваясь, через плечо бросил:

– Да, и еще, у нас, как у волков, сильные загрызают слабых. Не будь слабаком, будь сильным, всегда держи себя в тонусе...

Немного подумав, он добавил:

– Это я о тренировках. Гуревич правильно понял мою политику, он занимается как черт. Но ты можешь его побить. Даю тебе для этого три месяца. Хочешь, ночами занимайся, но его побей...

После того, что было сказано раньше, эта установка показалась Ефиму чем-то сложным, но выполнимым, а потому совсем не страшным. Спортивная борьба – занятие благородное, но если бы только это ждало впереди! Он загрустил, подумав о том, что ему не миновать грязных боев без правил на ринге жизни...

Глава 4

Ночью людям полагается отдыхать, а боксом надо заниматься в дневное время. Так думал Ефим, нещадно избивая тяжелую грушу. Условия для тренировки аховые – крохотное помещение под склад, запах плесени, духота. Зато здесь ему никто не мешает.

– Вот, стою здесь, смотрю на тебя, и мне уже страшно, – голос Болека прозвучал неожиданно насмешливо.

– Бойся, если страшно.

Ефим еще несколько раз ударил по груше, чтобы Боек не подумал, будто застал его врасплох.

– Телегин – голова, а ты, извини, олух, – продолжал ерничать Гуревич. – Он тебя со мной сравнить хочет, а ты этого не понимаешь. Принцип у него такой, разделяй и властвуй. Мы в одной команде, мы друзья, а он хочет, чтобы мы грызлись друг с другом. И чтобы стучали друг на друга...

– За это не бойся, стучать я не буду, – развернувшись к нему, сказал Ефим. – А то, что побить тебя хочу, так это нормально.

– Реванш за поражение? Ну-ну... Разогрелся?

– Как видишь.

– Тогда пошли. Джек зовет...

Джек встретил Ефима на пороге небольшого кафе, расположенного в самом центре барахолки. Это была своего рода штаб-квартира, откуда он смотрел за рынком и прилегающей к нему территорией. Ефим по-прежнему воспринимал его как друга, хотя уже вынужден был признать, что непринужденность в их отношениях осталась в прошлом. Джек был бригадиром в команде Телегина, и под его «командованием» числилось восемь бойцов, включая самого Ефима, которому приходилось безоговорочно подчиняться, иначе... Ефим старался не думать о смерти, но плохое предчувствие уже витало в воздухе, пока еще достаточно высоко, но уже над ним. Законы в команде суровые, и он уже слышал об исчезновении трех парней, которые в той или иной степени провинились перед Телегиным. Никто из его друзей-товарищей толком не знал об их судьбе, но все догадывались, что живыми их больше не увидеть...

– Физкульт-ура, – вяло и с начальственной ноткой в голосе поприветствовал его Джек. – Чего это ты с утра начал? Самым крутым быть хочешь?

– Ты же знаешь, форму набирать надо, – угрюмо посмотрел на него Ефим.

И законы у Телегина были жесткие, и распорядок – на уровне святой реликвии. Тренировка полагалась каждый день, кроме выходных; больной, хромой, не важно, не можешь идти, приползи в спортзал и отработай назначенные два часа. Поэтому и не нравилось Джеку, что Ефим искал и находил возможность для внеурочных занятий, хотя и знал о предстоящем бое-реванше с Болеком.

– Пошли, покажу, где форму надо набирать...

Крутанув головой, чтобы размять шейные позвонки, он двинулся в гущу народа. Как ледокол крошит мерзлую толщу над океаном, так и он расправлялся с людской толпой, безжалостно расшвыривая несчастных, случайно угодивших под его «форштевень». Ефим и Боек молча следовали за ним в расчищенном фарватере. Больше никого Джек с собой не взял. О чем очень скоро пожалел.

Он остановился возле цветочного ряда, где в окружении роскошных букетов возвышался смуглый кавказец с ястребиным носом. Чуть в сторонке, перетаптываясь с ноги на ногу, стояли два его соотечественника в неброских клетчатых рубашках и лоснящихся от жира

шерстяных брюках. Один нервно курил, и оба перебирали четки, исподлобья посматривая на грозного вида троицу.

– Этот, что ли? – спросил у Болека Джек.

– Маму, сказал, мою топтал, – ответил тот.

И вдруг, высоко выпрыгнув вверх, с разворота ногой ударил нерусского в голову. Однажды Ефим на себе испытал силу такого удара, но в этот раз у Болека что-то не сложилось, и цветочник устоял на ногах. Тогда за дело взялся Джек. Схватив кавказца за грудки, он злобно дыхнул ему в лицо:

– Ты, чурка, ты что о себе думаешь?

Торговец был напуган, но это не помешало ему дать отпор. Неожиданно для всех он ударил противника головой в переносицу.

Джек легко выдержал этот удар, но руки разжал. Зато не упустил свой шанс ответить ударом на удар. Хук в живот сложил торговца пополам, а коленом в лицо Джек завершил разгром.

Но, как оказалось, это было только начало. Сначала на помощь поверженному земляку бросились двое с четками. Одного встретил Ефим – кулаком в челюсть, другому досталось от Болека. Но пока они возились с непрошеными смельчаками, откуда-то из закоулков набежала целая толпа нерусских заступников.

Кто-то сзади ударил Ефима черенком от лопаты, и он едва удержался на ногах. Махнув рукой за спину, он отскочил в сторону, развернулся к опасности лицом и шикарной боксерской «тройкой» уложил взбешенного горца. Следующий удар в спину все-таки сбил его с ног, но он сумел подняться. В этот раз ему пришлось отбиваться сразу от двух противников, один из которых в отчаянии выхватил нож... Ефим справился и с ними, но в жертву победе пришлось принести свою руку, которую острый клинок рассек до кости...

А кавказцев становилось все больше. И если бы не подмога, которую привел за собой расторопный Заз, Джеку и Ефиму с Болеком пришлось бы худо.

– Урою, суки чернозадые! – в ярости орал Джек.

Он пострадал больше, чем Ефим. Ему ножом располосовали грудь и рассекли снизу ухо, что и взбесило его до помутнения рассудка.

Когда свора кавказцев была разогнана, он устроил на рынке форменный погром. Досталось и азербайджанцам, и армянам, и грузинам. На землю летели цветы, апельсины, рвались в клочки кофты, футболки, переворачивались целые ларьки со всякой мелочовкой. Джек не обращал внимания на кровь, да и Ефим, поддавшись погромному настроению, забыл про раненую руку. Остановить их смогла только усталость.

– Чурки охренившие! – грохотал Джек, вытаскивая из машины дорожную аптечку. – Чтобы ни одной мрази здесь не осталось!

Болек помог ему снять футболку; осмотрев порезы на груди, густо смазал их зеленкой, приложил бинт.

– Это ерунда, а ухо зашивать нужно... В травму надо ехать.

– Пусть травма сама сюда едет, – ухмыльнулся Джек.

– Ну да, пусть гора идет к Мамеду... Только какой ты Мамед, если сам всех мамедов разогнал... Как бы айзеры нам теперь войну не объявили... В травму надо, а то как бы не наехали...

Джек подумал немного и согласился. Забрал с собой всю бригаду и отправился в больницу. Там ему зашили ухо, а Ефиму – руку. Там и нашел их всех Телегин. Позвав Джека в свой «Мерседес», он устроил ему разнос.

Из машины Джек вылез с видом побитой собаки.

– Хана дело, – сказал он, тускло глянув на Заза. – Айзеры толпу к нам на рынок пригнали. Сколько там и чего, не знаю, но за ними «речные» стоят...

– Демид своего не упустит, – деловито и с непринужденным видом влез в разговор Болек. – «Речные» с айзерами только момента ждали, чтобы рынок взять. Или не ждали, взяли да подсунули нам этот момент. Чего это мамеды платить нам отказались? А того, что так надо... Хорошо, что мы с рынка слиняли.

– Хорошо?! – взвыл от возмущения Джек. – Да нет, хреново!

– Сколько сейчас айзеров на Дзержинке?

– Телегин сказал, что человек двадцать, а тебе что?

– И еще «речные» на подхвате, – не моргнув глазом, определил Болек. – Нас бы там в грязь втоптали...

– В грязь меня Телегин втоптал. Меня!.. Ты тут такой грамотный, а он мне такое в уши вдул!

– Что он тебе вдул? Делай что хочешь, но рынок верни?

– Да! Делай что хочешь!.. А что делать? Их много, а нас всего шестеро, ну, завтра восемь будет...

– Баранов в стаде тоже много, а одного волка хватит, чтобы всех разогнать, – хищно усмехнулся Болек. – Волк нам нужен... Саблезубый волк... Или просто сабля. Калибра семь шестьдесят два...

– Что, умный такой? – на последних остатках вредности спросил Джек.

Судя по кровожадному блеску в его глазах, идея с «огнестрельной саблей» ему понравилась. Да и Ефим понимал, что проблему на кулаках не решить.

Глава 5

Оружие обладало странным свойством раздваивать сознание, обнадеживать и тревожить одновременно. Ефим то любовно поглаживал вороненую сталь автомата, то нервно постукивал пальцами по лакированному прикладу. С такой огневой мощью, казалось бы, нечего бояться, но как по законам физики «плюс» притягивает «минус», так, по закону войны, боевое действие вызывает столь же убойное противодействие. И плохо, если у тебя всего лишь автомат, когда у противника – крупнокалиберный пулемет. Азербайджанцы – народ серьезный, и они вполне могли оказать достойное сопротивление. К тому же их было больше. Телегин помог Джеку с оружием, но из людей выделил только трех бойцов.

– Говорят, у айзеров спецбригада появилась, – подлил масла в огонь Болек. – Боевики из Карабаха, эти все умеют, и стрелять, и убивать...

– Много ты знаешь, – нервно огрызнулся Джек.

Встреча с азербайджанцами была назначена в районе Краснотуевского озера, на Плешивой поляне. Девятый километр Свердловского шоссе, мрачный сосновый лес, полный отрыв от цивилизации. Машины уже шли по тряской проселочной дороге.

– В Карабахе война всюду идет, – продолжал он, нервно всматриваясь в зеленые заросли. – И если кто приехал к нам оттуда, так это трусы и дезертиры...

– Какой такой Карабах-Барабах? – через силу взбодрил себя Заз. – Войска дяди Васи знаю, а этих и знать не хочу. Там, где ВДВ, там враг не пройдет!

Его натянуто-бравурный тон вызвал у Ефима кислую насмешку. Ложка хороша к обеду, а такой лозунг к настоящему бою, за правое дело... А здесь какая правда? Лить кровь из-за какого-то вшивого рынка, в угоду какому-то Телегину?..

– Тогда флаг тебе в руки, – криво усмехнулся Болек.

Он не служил в армии, но автомат в руках держал уверенно. А может ли он стрелять, покажет время... Ефим поморщился и мысленно сплюнул через плечо. Не хотелось ему геройствовать во имя бандитской славы. Работал бы сейчас на заводе, налаживал бы станочное оборудование, получал бы свои честно заработанные копейки. Сегодня суббота, выйти бы с отцом во двор, сесть за dominoшный стол, забить «козла» под стаканчик дешевого винца...

– Атас, братва! Айзеры уже здесь! – набатом прогудел Джек.

Кавказцев было не так уж и много, как ожидалось, десятка полтора против неполной дюжины Джека. Но держались они очень уверенно. И расположились по-хозяйски: на берегу озера дымил мангал, шашлычник в белом халате крутил мясо на шампурах.

На дереве у самой воды висел вниз головой баран. Живой. Увидев подъезжающие машины русских, бородатый толстяк в папахе подошел к дереву, одной рукой схватил барана за голову, другой вынул из ножен кинжал и круговым движением полоснул по горлу. Струя крови выплеснулась прямо в озеро... Ефим понимал, что это было ритуальное убийство, нечто вроде акта устрашения. Дескать, то же самое ждет и вас, русских. Кровью зальетесь, будете умирать в агонии, как несчастный барашек. Понимал, и все ж ему стало не по себе, и он опустил голову, инстинктивно прикрывая горло.

Шашлычник остался у мангала, а боевики уже собрались в кучу. Среди них выделялись двое – толстяк-бородач в папахе и бритый налысо борец-тяжеловес в спортивном костюме. Остальные – неказистые на вид, средней комплекции. Но все с оружием – автоматы, помповые ружья...

– Все было, – тихо и напряженно сказал Заз. – А такого не было...

Джек уже вывел своих бойцов из машин, вытянул по фронту напротив кавказцев. Рядом с Ефимом стоял татарин Эльмир, храбрый паренек, дерзкий, отчаянный, но сейчас его коло-

тила нервная дрожь, было даже слышно, как постукивают зубы. И самого Ефима взял мандраж; в животе ледяная пустота, руки тяжелые, пальцы плохо гнутся. До стрельбы дело еще не дошло, но автомат в руках, казалось, уже был раскален до красноты: хотелось бросить его и бежать... Если бы за Родину кровь проливать, а так...

– Спокойно, братва, спокойно, все будет хорошо, – отогнав от себя панические страхи, но все еще дрожащим от волнения голосом сказал Заз.

– Если что, всех положим, – поддержал его Ефим.

Ужас продолжал сковывать его мысли и движения, но все же он нашел в себе силы произнести эти слова.

– Заз, остаешься здесь, – мрачно изрек Джек и вместе с Болеком двинулся к азербайджанцам.

– А почему Болек? – вырвалось у Ефима.

Он всерьез считал, что в бригаде Гуревич котировался на уровне рядового бойца, да и Джек никогда не выделял его особо. Но сейчас он выступал в роли авторитета, правой руки бригадира...

– А ты посмотри, он же ничего не боится, – сказал Заз.

И действительно, на губах Болека играла дерзкая улыбка; глаза хищные, движения четкие, уверенные. Скорее всего, он боялся смерти, но страх перед ней не держал его за горло. А ведь он шел на встречу с вражескими авторитетами, он все ближе подходил к азербайджанским бойцам. А кавказцы озлоблены, оружие у них на изготовку, никто из них не верит, что дело закончится миром. Их старшие идут к центру поляны очень медленно, чтобы не уходить от своих далеко. Эта грубая хитрость делала русских авторитетов более уязвимыми фигурами. И Джек это понял, он первым сбавил ход, начал притормаживать и Болек. В этот момент азербайджанцы вскинули оружие.

– Суки-и! – заорал Ефим.

Что-то щелкнуло в его голове, мир сфокусировался в узкий фрагмент перед глазами, а время как будто замедлилось. Но вместе с тем исчез и сковывающий страх. Вскинув автомат, Ефим присел на одно колено и нажал на спусковой крючок.

Джек вовремя оценил опасность, упал на землю, крутнувшись вокруг собственной оси, дал первую очередь. Что делать в таких случаях, знал и Заз. Но Болек незнаком был с тактикой общевойскового боя, он застыл как вкопанный в зоне огневого поражения. Но автомат из рук не выпустил, выдал длинную бестолковую очередь. Джек не растерялся, прыгнул на него, сбил наземь, и, если бы не это, Болек уже был бы мертв.

В пылу боя, в грохоте автоматных очередей и ружейных выстрелов, Ефим быстро потерял «сцепку» с Зазом слева и Эльмиром справа. Он стрелял, катался по земле, меняя положение, пока не оказался под прикрытием небольшого бугорка, откуда смог взять на прицел толстяка в папаше. Короткой очередью Ефим уложил его в траву, как грудную мишень на учебном стрельбище.

Но это был настоящий, не полигонный бой, и он еще раз убедился в этом, когда над головой просвистел целый рой пуль, а рядом взметнулись два земляных фонтанчика. Азербайджанцы умели стрелять, и тактика огневого боя была им знакома. Враждующие стороны «обрастали» трупами. В конце концов кавказцы не выдержали, отступили к лесу, постреляли оттуда для острстки и скрылись. Свои машины они оставили на поле боя, но тела погибших забрали с собой. Остался только труп неосторожного шашлычника.

Эльмир лежал на земле, мертвой хваткой вцепившись в свое ружье. Пуля попала ему в лоб и на выходе вырвала кусок затылочной кости. Ефим тупо смотрел на него, испытывая низменно-предательскую радость, оттого что сам не оказался на его месте.

– Ну чего сидишь? – услышал он знакомый голос.

Болек шел по поляне в полный рост, не обращая внимания на опасность со стороны леса. Еще не факт, что азербайджанцы ушли окончательно; возможно, притаился где-то за деревом стрелок, прикрывающий отход. Не волновала Болека и залитая кровью рука.

– Уходить надо! Забирай этого! – распорядился он, показав на Эльмира.

Ефиму не понравилось, что Болек раскомандовался.

– А где Джек? – спросил он.

– Зажмурился Джек, – как о чем-то само собой разумеющемся, сказал Болек.

– Шутишь? – возмущенно уставился на него Ефим.

– Какие к черту шутки? Давай жмура забирай. И Джека тоже в машину...

Лебедихин лежал на земле, безжизненно устремив к небу глаза. Одна пуля вошла в ухо, так и не зажившее после недавнего ранения, другая продырявила бок в районе печени.

– Как же так! – не в силах поверить в происшедшее, простонал Заз.

– А так! Мы ближе всех были! Потом поговорим... Уходим! Быстрее, быстрее!

Помимо Джека и Эльмира, был убит еще один боец, двое получили серьезные ранения – первому пуля чиркнула по голове, второму раздробила ключицу. У Болека в руке застряла картечина, но он пока не обращал на это внимания.

Раненым помогли сесть в машину, трупы уложили в багажники.

– И шашлычника заберем! – решил Болек.

– Зачем? – Заз удивленно расширил глаза.

– А затем, что такая война! На три стороны! – отчеканил Гуревич. – На одной – мы, на другой – черные, на третьей менты. Труп – это уголовное дело, тебе это нужно?

Он четко вбил свой довод в голову Зазу, и тот послушно пошел за шашлычником.

Бедняга лежал на перевернутом и дымящемся мангале, подмяв под себя и шампуры с бараниной, и раскаленные угли. Ефима едва не стошнило от противного запаха горелой плоти.

И это тело сунули в багажник. Можно было уезжать, но Заз не торопился садиться за руль.

– А с этими тачками что делать? – спросил он, кивком головы показав на две брошенные «Волги».

– А что ты предлагаешь? – с непонятной жесткостью отозвался Болек.

– Сжечь к чертям собачьим, и все дела.

– А тебя потом за жабры, за порчу чужого имущества! Не забывай о ментах, Заз!

Устами Болека говорило само благоразумие, но Ефим и не думал благодарить его хотя бы мысленно. Это была его идея сойтись с кавказцами в огневом бою, это из-за него погиб Джек... И ради чего? И ради чего мог погибнуть Ефим?..

Раненых отправили в больницу, шашлычника похоронили в лесу – слегка припорошив землей и щедро засыпав прошлогодней листвой.

– Что с Джеком будем делать? – хмуро спросил Заз, обращаясь к Болеку за советом.

– Здесь, в лесу, пока оставим, – ответил тот деловито, ничуть не сомневаясь в правильности своего решения. – И стволы оставим: они свое дело уже сделали. А сами на рынок. Поставим свой флаг, а ночью сюда!

– Там же черные, – настороженно посмотрел на него Заз.

– Подвинутся. Мы на коне, а они под хвостом... Кровь в багажнике надо замыть...

Оказалось, что Болек подстраховался не зря. При въезде в город их остановили на посту ГАИ. Машину и пассажиров обыскали с пристрастием, но ничего не нашли. Сам Болек был в спортивной куртке, рукав которой скрывал повязку на правом предплечье. Менты чувствовали, что с ним и его друзьями не все ладно, но, поскольку не было улик, их пришлось отпустить.

До рынка доехали беспрепятственно, но прежде чем сунуться туда, дождались парней, что занимались ранеными. И у них все было в порядке: медики не стали сразу поднимать шум – менты в больницу не нагрянули. Все это будет, но потом. А пока нужно было вернуть свою территорию.

Их было всего пятеро, но и этого вполне хватило для того, чтобы отбить рынок. Завидев русскую братву, азербайджанцы без шума растворились в толпе и бесследно исчезли. В кафе «Агдам» Болек входил на правах победителя и, что уж говорить, бригадира. Никто и не пытался оспаривать его право на первенство. Когда-то Заз относился к нему с легким пренебрежением, а сейчас ловил каждое его слово. Ефим и вовсе не переживал по этому поводу, ему было уже все равно, кто командует кровавым парадом...

Глава 6

Джека, Эльмира и Артура хоронили как героев. Телегин не пожалел средств на лакированные гробы, на пышную тризну. Родственники Эльмира хотели предать его земле на мусульманской части кладбища, но Виктор Яковлевич настоял на том, чтобы его могила находилась в ряду других «братских» захоронений, вдоль центральной аллеи. Но хоронить его решили без гроба, в саване; посадят в могилу лицом к Мекке и засыпят землей...

– Речь толкнешь? – толкнув Ефима в бок, спросил Болек.

И, внимательно посмотрев на него, усмехнулся:

– Ясно.

Он понял, что Ефим не в состоянии был говорить и уж тем более ораторствовать. Страшно ему было – и за себя, потому что сам мог погибнуть, и за покойных друзей, которых вот-вот должна была поглотить мать сыра земля...

– Ладно, я сам...

Болек выступил вслед за Телегиным, скорбно и непринужденно поведал, какими классными ребятами были Джек, Эльмир и Артур, какими смелыми и отважными были они в бою за правое дело... Надо было видеть, какими глазами посмотрела на него мать Джека, когда он сказал про это правое дело. И остальные родственники погибших никак не могли взять в толк, ради чего погибли их сыновья и братья. Не понимал этого и Ефим, но, как и все остальные, он промолчал. Не тот случай, чтобы вслух выражать свое возмущение, да и не мог он этого сделать, потому что бандитская трясина засосала его с головой, и теперь у него был только один путь – на самое дно. Вход – копейка, а выход только через морг...

Хоронили парней под автоматные выстрелы. Никогда не думал Ефим, что братва и армия – едины, но похоронный расчет из военной комендатуры навел на такую мысль. По три выстрела на каждую душу, по три щепотки земли от каждого провожающего...

– Ты чего такой бледный? – спросил Ефима Болек, когда они скорбным шагом шли на выход. – Нельзя так переживать, нервы беречь нужно. Ты же не хочешь умереть от инфаркта?

– Как бы от пули не умереть.

– А ты об этом не думай, крепче спать будешь.

На пятачке за кладбищенскими воротами собрался целый митинг. Без транспарантов, но с тихой враждебной злобой. Болек заметно напрягся, когда понял, кто их встречает. Это были «речные».

– Это беспредел, – сжимая кулаки, сказал Заз.

Как и его друзья, он готовился к жестокой драке, но «речные» не стали атаковать. Их было много, но и телегинская братва в полном сборе. И еще неизвестно, кто победил бы, случись побоище.

Телегин не растерялся – подняв голову и расправив плечи, он направился к «речным» капитанам, среди которых был и Макар. Разумеется, он был без Даны, но Ефим вспомнил о ней, и его захлестнула волна эйфории. И возможная драка несколько его не пугала; напротив, он ощутил в себе дикое желание наброситься на Макара и в честном бою доказать ему свое право на эту девушку.

– Да ты не бойсь, Вить Яковлевич, – небрежно, но с опаской обратился к Телегину Демид, плотный приземистый мужчина с покатой, вросшей в плечи головой. – Беспредела не будет. Мы не за этим пришли.

– Во-первых, я не боюсь, – с достоинством сказал авторитетный тренер. – А во-вторых, зря вы сюда пришли. Кладбище – не место для выяснения отношений.

– Мертвые нас не поймут, не вопрос, – кивнул Демид. – А поговорить нам надо...

Он пристально смотрел на Телегина, а Макар зло и с удивлением – на Ефима. Не ожидал он увидеть его в числе своих врагов.

– Где и когда?

– Завтра, в полдень, на Краснотуевском... Об чем базар, ты знаешь, о том и поговорим... Двдцатка с твоей стороны, двдцатка с нашей. А насчет железа, тебе решать, брать или нет...

Демид и его бригадиры медленно повернулись к Телегину спиной, прошли к своим машинам, остальные «спортсмены» последовали за ним. Драки не случилось, но завтра будет жарко, думал Ефим. И вряд ли ему представится возможность показать себя в честном бою. Там, где Краснотуевское озеро, там стрельба и смерть... Он, конечно, мог подстрелить Макара, но пущенная издадека пуля не способна передать суть его претензий на Дану. А подойти к Макару близко ему не позволят.

Ефим сел в машину к Болеку и Зазу.

– Неспроста «речные» обозначились. Показали, кто за айзерами стоял.

– Так и так ясно, что «речные» за ними.

– Одно дело стоять, и совсем другое – наших парней мочить. «Речные» хотят показать, что Джек, Эльмир и Артур на их совести. И не боятся ничего... На Краснотуевское озеро зовут. Добить нас хотят? Так ситуация не та, чтобы добивать. Мы еще пока в силе...

Ефим не вникал в разговор. Его мало волновали амбиции телегинской команды и агрессивных «речных», он думал о том, что завтра ему снова придется взять в руки автомат и стрелять, рискуя получить пулю в голову.

– Тебе что, страшно? – спросил Болек, внимательно и с насмешкой глядя на него.

– С чего ты взял? – встрепенулсч Ефим.

– Да бледный какой-то. И в глазах суматоха...

– А ты ничего не боишься?

– Я? Боюсь. Но мне вся эта суеда по кайфу... Ладно, проехали. Парней помянем, потом поговорим...

Машина подъехала к ресторану, где братва собиралась на тризну. К этому времени небо заволокло тяжелыми дождевыми тучами, поднявшийся ветер швырнул в лобовое стекло горстку песка и мелкого мусора. Молнии ослепительными зигзагами начали разрывать небо, как будто бы из пробоин в нем под раскаты грома хлынул дождь, крупные капли дробно забарабанили по крыше.

– Переждем? – спросил Заз.

Болек готов был согласиться, но его внимание привлек Телегин. Виктор Яковлевич вышел из машины и, не обращая внимания на ливень, направился к ресторану.

– Не Снегурка, не растаешь!

Парадный вход с широким козырьком и гранитными колоннами находился метрах в двадцати от машины, Ефим промок до нитки, добравшись до него. Но это ничуть не огорчило его. Дождь – сущий пустяк по сравнению с той стихией, которая ждала его завтра на Краснотуевском озере. Там будет свинцовый ливень, после которого, возможно, поминальную тризну в этом же зале будут справлять по нему... Но, возможно, этот гром с небес – предупреждение свыше. Бежать ему отсюда надо, бежать...

Он хотел напиться до беспамьтства, но Телегин «зажал» водку – по три маленькие стопки на брата, и на этом все. Ефим его понимал: военное положение, враг у ворот. Но дома он даст себе волю: возьмет пару бутылок водки и закроется в своей комнате...

Болек толкнул его в бок:

– Пошли!

Ефим автоматически кивнул, вышел из-за стола, направился к выходу.

– Куда тебя понесло? – подозрительно покосился на него Болек. – Ты что, чумной?

– Нас Телегин звал, ты что, не слышал? – удивленно спросил Заз.

Ефим действительно ничего не слышал, но признаваться в том не хотел.

– Ну, я думал, он в машине...

– Думал он, – передразнил его Болек. – Я смотрю, ты в ауте, парень... Может, зря мы тебя к себе взяли, а?

– Не ты меня к себе брал, а Джек, – огрызнулся Ефим. – А если не нравится, могу уйти...

– Не можешь ты уйти, – покачал головой Болек. – Или можешь, но только вперед ногами... Пошли!

Он был сосредоточенно-важен, как матерый замполит перед выходом на трибуну. И в ресторанный кабинет к Телегину вошел решительно, твердой походкой уверенного в себе человека. Заз был с ним на правах его правой руки, Ефим и с ним еще четыре бойца – рядовая «пехота».

– Как настроение? – натянуто улыбнулся тренер.

– Не очень, – деловито мотнул головой Болек. – За парней наших рассчитаемся, тогда и настроение будет...

– А разве не рассчитались? – с интересом посмотрел на него Телегин.

– С айзерами да. Но их «речные» натравили, с них и спрос...

– Дело говоришь, – кивнул Виктор Яковлевич. – Это все «речные» воду мутят. И сами об этом во весь рост говорят. Стрелку нам на завтра назначили...

– Я в курсе.

– И что такое Краснотуевское озеро, ты тоже в курсе. Там все завтра и произойдет. Твоя бригада дело знает, так что готовьтесь, завтра жарко будет...

– Как насчет железа?

– И люди будут, и железо.

Ефим видел, что Болек выслуживается перед Телегиным, и ждал твердое «да» с его стороны. Дескать, костями ляжем за правое дело и за вас, Виктор Яковлевич, в частности. Но Болек мотнул головой:

– Не нравится мне это дело.

– Понятно, что не нравится, – нахмурился тренер. – Там стрелять будут, убивать... Но ты не думай, не за просто так. Каждому бойцу по две штуки зеленью. И в отпуск можно съездить, в Сочи махнуть на месяц или в Крым...

– Не в деньгах дело, – достаточно жестко отрезал Болек. – Дело в «речных»... Боюсь, что это провокация, Виктор Яковлевич. Не зря они на кладбище всем гуртом заявили, из себя нас хотят вывести. И насчет железа туману нагнали. Я же слышал, как Демид сказал, что вам решать, брать его с собой или нет. Сами они брать ничего не будут...

– Это ты о чем, парень? – взбудораженно спросил Телегин.

Рассуждения Болека не просто удивили его, но и в какой-то степени шокировали. Но, как оказалось, смуты в них не было.

– О том, что менты сейчас на ушах, – уверенно сказал Болек. – Город у нас большой, начальство высокое, а тут стрельба с трупами. Менты уже виноватых ищут. А тут новая стрелка. Двадцать бойцов с железом с одной стороны и двадцать – с другой. И, скорее всего, они об этом знают. Может, и ОМОН уже подтянули...

– Откуда они об этом знать могут? – забеспокоился Телегин.

– А тот же Демид слить мог. Завтра мы на стрелку с железом подъедем, а там – ОМОН. Нам с ментами воевать не резон, стрелять мы не будем, и возьмут они нас тепленькими да по горячей статье. Сколько там за незаконное ношение оружие дают?

– Дают, – озадаченно кивнул Телегин. – Кого с железом возьмут, тому и дадут. А кого сразу не возьмут, потом доберут... И меня арестуют, и всех. А Демид в седле останется... Дело ты, парень, говоришь, дело. Демид нас чужими руками хочет взять...

– Но на стрелку все равно надо ехать, – подсказал Болек.

– Само собой.

– И стволы брать. А то, если ментов не будет, «речные» нас влегкую сделают...

– И это верно, – не мог не согласиться Телегин.

– Стволы надо ночью на озеро подвезти, – продолжал умничать Гуревич. – Тайник сделаем, там железо и оставим. А завтра, когда подъедем, возьмем. И людей надо возле РОВД поставить, чтобы с рациями, если какое-то подозрительное движение, сигнал дать...

– Стволами ты и займешься, – с одобрением глядя на Болека, сказал Телегин. – А ментов я на себя возьму, с рацией что-нибудь придумаем...

Так и не удалось Ефиму напиться. До самой темноты Болек таскал его за собой. Они ездили по городу, вскрывали тайники, складывали в машину оружие – в основном автоматы Калашникова, которыми в свое время смог разжиться Телегин. Как он сумел это сделать, Ефим старался не вникать – меньше знаешь, крепче спишь. Хотя какой мог быть сон, если всю ночь они месили грязь близ Красноуевского озера. Долгое время тайком бродили окрест, выискивая притаившихся «речных» или даже ментов. Лишь убедившись в том, что вокруг чисто, привезли оружие, протерли его, чтобы не осталось отпечатков пальцев, спрятали в траве, присыпав землей и листвой.

Ефим делал все молча, но Болек все же нашел к чему придаться.

– Я смотрю, ты чем-то все время недоволен, брат, – с нотками осуждения в голосе сказал он.

– Хорошо, что ты всем доволен.

– Ты за меня не думай, ты за себя отвечай... Никто тебя в бригаду силком не тащил.

– А я что, жалуюсь?

– Вслух – нет, а глаза у тебя кричат... Да, вляпался ты, не вопрос. А раз так, то будь мужиком...

– Ну, чего ты к нему пристал? – нехотя заступился за Ефима Заз. – Он и ведет себя как мужик, что надо, все делает...

– Делает. Но без огонька... Ну да ладно, сплшем на то, что Джека потеряли. Но смотри, Ефим, чтобы дальше все нормально было, чтобы никаких соплей. Ты с нами – и навсегда. Никто тебя обратно не отпустит...

– А я что, прошусь обратно?

– И не думай проситься, мой тебе совет...

– Ты как замполит, – сказал Заз. – Все мозги прокачал.

– Как замполит? – развеселился Болек. – А что, замполиты своим солдатам баб обещают?

– При чем здесь бабы? – не понял Ефим.

– При том, что завтра в отрыв пойдем. Если все нормально будет, баньку организуем. Матрешек выпишем, хороводы водить будем... Или у тебя Ларка? – в упор посмотрел на него Гуревич.

– Ну, Ларка само собой, а что?

– Верность хранишь?

– А это уже не твое дело, – огрызнулся Ефим.

– Ну, это как сказать, – покачал головой Болек. – Я должен знать, что у тебя на душе творится... Спишь с Ларкой, спи, я как бы и не против, – с каким-то непонятным напряжением в голосе сказал он. – Но если какие-то тараканы в голове, лучше сразу скажи...

– Какие тараканы?

– Да такие... Ты что-то там про Дану говорил. Красивая девка, не вопрос. Если влюбился, так и скажи...

– Ты не замполит, – покачал головой Ефим. – Ты клещ энцефалитный... Ты мне в мозг через уши не лезь, не надо. Я со своими бабами как-нибудь сам разберусь...

– С бабами? – въедливо посмотрел на него Болек. – Значит, все-таки Дана...

– Достал... И вообще, спать уже давно пора. Дело сделали, домой надо ехать...

– В город едем, а по домам – нет, – мотнул головой Гуревич. – На рынок поедем.

В кафе на рынке нашлось несколько матрацев. Ефим так хотел спать, что ни о каком белье даже не помышлял... Сегодня на голом матраце в кафе, а завтра, возможно, придется коротать ночь на жестких нарах в камере предварительного заключения, закрывая глаза, подумал он. И прежде чем заснуть, успел сравнить тюрьму с могилой. Уж лучше неволя, чем смерть. А еще лучше жить на свободе, не думая о том, что завтрашний день может стать последним...

Глава 7

Вчера город заливало дождем, сегодня – лучами разыгравшегося солнца. Небо высокое, синева сочная, еще не выгоревшая, в легкой туманной дымке. Ни тучки, ни ветерка. В такую погоду мысли о возможной гибели казались чем-то диким, противоестественным. Да и в тюрьму садиться не хотелось. Но, увы, Ефим из игры выйти не мог, оставалась только надежда на везение. Авось пронесет...

На стрелку с «речными» Телегин ехал лично. С ним два десятка бойцов, и среди них Ефим. Он молча грустил, Заз спокойно крутил баранку, а вот Болек был взбудоражен.

– Телегин говорил, что в городе шухер был. «Речные» вчера в «Юбилейном» гуляли, что-то там с кем-то не поделили, драка была, менты подъехали, всех повязали...

– А кого конкретно? – спросил Заз.

– Не знаю... Да и не в том дело. И даже не в том, что менты наглеют. А в том, что они силу почувствовали. Потому и в «Юбилейный» сунуться не побоялись. Ждут они чего-то, потому и нагнали толпу. А чего ждут?

– Чего?

– Нас ждут... Неспроста все эти движения. Как бы лиха не вышло...

Из города машины выходили порознь, но на девятом километре Свердловского шоссе собрались в колонну и двинулись к озеру.

– А может, и не будет никаких ментов, – продолжал нагнетать страсти Болек. – Постреляют нас «речные» на подходе...

– Если страшно, так и скажи, – поддел его Ефим.

– Когда будет страшно, тогда и скажу. А пока только опасения... На душе беспокойно...

Плохое предчувствие было не только у него, и уж лучше бы оно обмануло. Но на пути к озеру колонна из пяти машин напоролась на засаду. И это были менты...

Их было много, и действовали они грамотно. Подпилив дерево, свалили его перед головной машиной, перегородив дорогу. А вторая сосна отсекла путь отступления. Ефим не мог слышать, как зашумели кусты и затрещали ветки, но увидел одетых в камуфляж омоновцев, которые неслись к их машине.

Менты не стреляли, но в остальном действовали жестко. Сильные руки выдернули Ефима из машины, ткнули носом в дорожную пыль. Затем ему пересчитали ребра – сначала ногами, со зла, затем руками, в поисках запретных предметов.

– Пустой! Нет ничего! – разочарованно сказал кто-то.

– В машине что?

– Тоже ничего...

– Стволы, наркота?

– Да нет же ничего!

– Давай в автобус всех!

Ефиму приходилось ездить в автобусе, но никогда еще он не путешествовал в нем в качестве ковровой дорожки. После долгого и болезненного пути к машине он оказался на полу между сиденьями, вповалку с ним оказались и все остальные. В том числе и Телегин. Болек попробовал было возмутиться, но грузный омоновец молча сел ему на голову, и тот замолчал.

Их «сгрузили» во внутреннем дворе городского УВД, где в подвальном этаже здания находился тюремный изолятор. И прежде чем развести по камерам, дали возможность немного отдышаться. Вряд ли это было сделано из благих побуждений, скорее всего, произошла какая-то заминка, но так или иначе Ефим смог перевести дух. Особенно счастлив был Болек, который после общения с омоновским задом больше всех нуждался в свежем

воздухе. Дышал он жадно, но при этом его трудно было назвать растерянным и подавленным. Он хорохорился и здесь.

– Как настроение? – воспользовавшись моментом, спросил он у Ефима.

Ему действительно интересно было знать, в каком состоянии духа он находится. Похоже, он не особо верил в его моральную устойчивость.

– Лучше, чем у тебя, – ехидно усмехнулся Ефим.

– Смотри, менты прессовать будут, не расколись.

Ефим с достоинством промолчал; дескать, и сам прекрасно знает, как ему вести себя на допросе.

Омоновцы получили приказ и снова взялись за братву. Парней уводили по три-четыре человека, и вскоре на площадке остался только один Ефим.

– А с этим что делать? – кивком показав на него, спросил милицейский майор в фуражке с красным околышем. – Мест больше нет.

– Утрясем и утрамбуем...

Ефим и не надеялся на комфортные условия, и ничего бы не сказал, если б его бросили в переполненную камеру к своим. Но его швырнули в тюремное помещение к арестантам из враждебного рода-племени. Он обомлел, увидев перед собой физиономию Макара. На нарах, рядом с ним, сидели внушительного вида парни, одного из которых Ефим видел возле кладбища в толпе «речных».

– Опля! «Телега» к нам заехала! – удивленно распахнув глаза, рыкнул Макар.

– Твою оглоблю сейчас выдернем и свою вставим! – угрожающе осклабился его дружок, кряжистого вида парень с огромной нижней челюстью.

Никто не подсказывал Ефиму, какой тактики ему нужно придерживаться; сам догадался, что нужно идти в наступление. Будешь обороняться или отступать, сначала заключают, а потом и затопчут. Терпеливых молчунов и уж тем более обиженных нигде не жалуют. Уж лучше в атаке погибнуть...

– Твоя работа? – надвинувшись на Макара, озлобленно спросил он.

– Чего? – возмущенно и вместе с тем изумленно взвыл он. – Ты на кого наезжаешь, чмо?

– Я видел, ты с Демидом вчера был! – Ефим упорно гнул свое. – Вы нас на озеро звали! Знали, что там нас менты примут!.. Сначала под айзеров подставили, потом под ментов. Знаешь, как это называется?

Макар стоял напротив него, слушал, злобно играя желваками. А когда Ефим закончил, еще ближе подступил к нему, зловонно дыхнул в лицо перегаром.

– Все сказал?.. А теперь слушай сюда, козел! Мне по..., что ты там про нас думаешь! Ты никто, понял! И зовут тебя никак!

– А чего ж я тебя на Плешивой поляне не видел? Сошлись бы, посмотрели бы, кто есть кто!

– Ты кто вообще такой? – скривился Макар.

– Ну вот, уже спрашиваешь, а то никак... Ефим я, Болотов, и с Телегиным я, а не с тобой...

– А нам такие чухи, как ты, и не нужны!

– Баклан ты!

– Что?

Макар ударил головой, но Ефим предвидел это, поэтому подставил под удар свой лоб. Как будто чугунное каменоломное ядро на голову опустилось, боль сотрясла сознание, в глазах потемнело, в ушах затрещало – настолько мощным был удар. Но досталось и Макару.

– О-е! – простонал он.

То ли боль была такой свирепой, то ли он потерял способность держаться на ногах, но так или иначе Макар опустился на корточки, охватив голову руками. Ефим бы мог вос-

пользоваться моментом, ударить врага коленкой в лицо, но делать этого не стал. Глупо это, не бить лежащего, тем более в таком положении, в котором он сейчас находился. Но как бы то ни было...

На помощь Макару пришли его друзья. Сначала усадили его на нары, а затем взялись за Ефима. От одного удара он увернулся, второй отбил, а третий – локтем в голову – сбил его с ног. И дальше никаких правил: трое против одного. Ногами в лицо, в живот, по спине...

Ефим уже терял сознание, а может, и жизнь, когда открылась дверь и кто-то крикнул: – Макаров!.. Комаров!.. Файзиев!.. Прахов!.. На выход, с вещами!

Ефим остался лежать на полу, а его обидчики один за другими покидали камеру. И когда она опустела, никто из ментов не зашел, чтобы помочь Ефиму подняться. Он сам нашел в себе силы встать на ноги, но тут же завалился на нары, чувствуя, как боль скручивает его внутренности.

За ним пришли только через несколько часов, поздно вечером. К этому времени он худо-бедно пришел в себя и до помещения, где ждал его фотограф, дошел на своих двоих. Его сняли в профиль и анфас, взяли отпечатки пальцев и только затем повели в кабинет, где им занялись сразу три опера.

– Фамилия? – жестко и агрессивно спросил один, белобрысый парень с хомячьим лицом.

– Болотов.

– Что это с тобой, Болотов? – спросил другой, худосочный интеллигентной внешности мужчина с приторно-мягким взглядом вероломного искуителя.

Он посмотрел на синяк под его глазом.

– А бить не надо было, – сказал Ефим, облизнув разбитую губу и тронув опухшую от удара скулу.

– Кто тебя бил?

– А при задержании.

– Врешь! Это тебя «речные» отделали, – проговорился третий оперативник, колхозного вида детина с простодушным лицом.

– Так вы нарочно меня к ним бросили? Я жаловаться буду.

– Кому ты жаловаться будешь? – потрясенно уставился на него белобрысый.

– Кому-кому, прокурору, конечно же... Ехал с друзьями на машине, налетели какие-то люди в масках, избили, бросили в тюрьму, еще и там досталось...

– Это еще не тюрьма, Болотов. Это только начало!

– Начало чего?

– Получишь срок, тогда узнаешь.

– За что срок?

– За бандитизм!

– А что я сделал?

– Не надо прикидываться невинной овцой, Болотов. Ты состоишь в банде Телегина и сам прекрасно это знаешь.

– Телегина знаю, а банду нет. Он меня до армии тренировал и сейчас тренирует...

– А ты что, служил, Болотов? – участливо и даже с каким-то восхищением спросил опер-интеллигент.

– Ну да, в мотострелках, два года.

– И звание есть?

– Да, старший сержант.

– Давно уволился?

– Да нет, в прошлом месяце, в мае...

– И уже в банде... Быстро же ты.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Ты ваньку не валяй, не надо. Ты лучше умных людей послушай. Я понимаю, красивой жизни тебе, парень, захотелось, чтобы все в шоколаде... А не будет никакой красивой жизни, убьют тебя не сегодня завтра и похоронят – хорошо, если на кладбище, а то как собаку какую-нибудь зароят где-нибудь под забором... Не будет красивой жизни, Болотов. Не будет!.. Предъявить мы тебе ничего не можем, потому что не было при тебе оружия. Можно было бы подбросить наркотики, но мы люди честные, играем по правилам... Мы тебя отпустим, Болотов. Но что дальше? Рано или поздно тебя убьют. Тебе это нужно?

– Нет, – искренне ответил Ефим.

Оперативник говорил правду, резал по больному месту, и он заворуженно слушал его.

– Ты еще молодой, у тебя вся жизнь впереди, а ты глупостями занимаешься. Учиться тебе надо, работать, женишься, семью заведешь, как человек жить будешь... Иди к нам в милицию работать! Год в патрульно-постовой службе, потом школа милиции, выучишься, офицером станешь... Ты же не уголовник, Болотов, и все, что с тобой сейчас происходит, всего лишь ошибка молодости. Ошибка, которую можно исправить... Ну, так что?

– Да я не против, – пожал плечами Ефим.

Перспектива служить в милиции его совсем не впечатляла, но уж лучше носить погоны, чем бандитскую кожанку. И если погибнуть при исполнении, то хотя бы во имя чего-то светлого...

– Ну, так в чем же дело? – обрадовался оперативник. – Оформим тебя на службу, будешь старшим сержантом патрульно-постовой службы. А не понравится в милиции, через год мы тебе направление в гражданский институт дадим, поступишь вне конкурса, на бюджетное отделение, бесплатно учиться можно...

– А что, так тоже можно.

– Ну, конечно... В общем, так, Болотов, считай, что ты уже принят на службу. Ты в наших рядах, парень, ты с нами заодно. Поэтому как свой своим скажи, где твои бывшие друзья спрятали оружие. Доносить не надо, просто скажи...

– Что сказать?

– Где оружие, скажи.

– Какое оружие? Не знаю ничего...

Не зря Ефим заподозрил интеллигентного оперативника в коварстве. Красивую песню он ему спел, мягкую паутину сплел. А скажи ему, где спрятано оружие, будущий сержант милиции Болотов превратится в настоящего заключенного. Уголовное дело, тюрьма, срок и этап на зону. И вдобавок – презрение или даже проклятие от дружков-товарищей.

– Ну, было у вас оружие. Вы же не просто так к озеру ехали...

Интеллигентный оперативник не спешил менять притворную милость на искренний гнев. И это навело Ефима на мысль о собственной игре.

– Нет, не просто так, – покачал он головой.

– С кем вы там хотели встретиться?

– Ну, сказали, что нас там «речные» ждут. Зачем, не знаю...

– Что еще сказали?

– Ну, что милиции бояться не надо... Мы же свои люди, да?

– Конечно, свои! – фальшиво согласился оперативник.

– Тогда между нами не должно быть никаких секретов... Это же «речные» нас продали, да?

– Они... Они вас продали... По-вашему – это беспредел. Но у вас беспредел сплошь и рядом. Братьями друг друга зовете, а на деле кто вы? Каины вы, вот вы кто. Убиваете друг друга, предаете... Где оружие?

– Не было никакого оружия, – покачал головой Ефим.

– Врешь!

– Я же вам говорю, что мы знали про милицию! Какой дурак оружие с собой возьмет?..

– А... вы его с собой не брали, вы его у озера спрятали. Чтобы потом на месте взять.

– Не знаю, может быть. Мое дело маленькое, что скажут, то и делаю...

– И что ты делаешь?

– К службе в милиции готовлюсь...

– Да ты издеваешься, Болотов! – не выдержал белобрысый.

И так ударил кулаком по столу, что зазвенели стекла в книжном шкафу.

– А если честно, в прокуратуру собираюсь жаловаться. Нет у вас на меня ничего. Через трое суток выпустите. А избивали меня крепко, за три дня следы не сойдут. Сначала экспертиза, потом прокуратура...

– Значит, жаловаться? – свирепо посмотрел на него белобрысый.

– Да.

– В прокуратуру?

– Да.

– А если мы тебя отпустим? – спросил интеллигентный. – Вот возьмем и прямо сейчас отпустим...

– Тогда не буду.

– Ну что ж, тогда пошли...

Он провел Ефима через дежурную часть, помог получить обратно документы и личные вещи, вывел во внутренний двор.

– Ну что ж, Болотов, спасибо тебе! – громко сказал он. – Ты очень здорово нам помог! Желаю удачи!

Он взял его за правую руку и резко вложил в нее свою ладонь. Со стороны это смотрелось как рукопожатие. Ефим вырвал руку и лихорадочно глянул по сторонам. Вроде никто из своих не видит.

– Ничего я вам не помогал! И жаловаться буду!

Но мужчина лишь посмеивался, глядя на него.

– Иди, Болотов! – так же громко сказал он. – И помни, мы всегда рядом! И всегда тебе поможем!.. Михайлов, помоги человеку выйти за ворота, а то ему у нас очень понравилось...

Стоявший у дверей сержант с автоматом повиновался незамедлительно.

– Пошел! – грозно пробасил он.

Ефим не стал испытывать судьбу и поспешно ретировался.

Глава 8

Было еще светло, когда Ефим оказался за воротами ГУВД. Он пребывал в таком замешательстве, что ничего перед собой не видел. И едва не наскочил на девушку, которая шла ему навстречу.

– Молодой человек! – предостерегающе и возмущенно прозвучал ее голос.

Ефим остановился как вкопанный, ошеломленно глядя на нее.

– Дана?!

В это невозможно было поверить, но перед ним стояла первая красавица города, а может, и всего мира. Да он и не верил. Возможно, от сильного удара по голове у него вышла из строя часть полушария, отвечающая за реальность возникающей в глазах картинки. Если так, то Дана всего лишь видение, райский мираж.

– Вы меня знаете? – удивленно спросила она.

– Ну как же! Помнишь, в поезде, мы из Москвы ехали. Я в форме тогда был... Ты с Макаром ехала...

– Да, кажется, припоминаю.

Она смотрела на него как на досадную помеху на своем пути. Хотя, казалось бы, как можно было помешать видению, для которого не существует материальных препятствий.

Дана действительно была миражом, потому что в реальности она не могла выглядеть так смело и нескромно. Белая шелковая кофта не отличалась прозрачностью, но на девушке не было бюстгальтера, и было заметно, как под тонкой тканью темнеют соски ее не самого большого, но, несомненно, прекрасного бюста. И эти лосины на ее чудных ногах, которые были открыты чуть ли не по всей длине. Туфли на высоченном каблуке... Могла ли Дана позволить себе это наяву? Скорее всего, нет...

– Извините, мне можно пройти? – как будто даже немного виновато спросила она.

– К Макару? – догадался он.

– Почему к Макару? Его зовут Лев, а Макаров – это всего лишь фамилия...

– Ну да, Макаров – с вещами на выход.

– Что это значит?

– Выпустили его. Давно уже, часа четыре назад... Он уже в баньке, наверное, парится...

Вспомнив о сегодняшнем обещании Болека, Ефим едва сдержался, чтобы не сказать о банных девочках.

– А вы, я вижу, вещи ему принесли...

Трудно было представить невесомую красавицу с тяжелой ношей. Сумка с вещами была хоть и небольшая, но у Даны в руке смотрелась нелепо. К тому же такие девушки, как она, должны ездить на машине, а она пешком... Ефим в замешательстве взъерошил волосы. И надо было Макару ударить его по голове до фантомных видений перед глазами.

– Да, вещи, – кивнула Дана. – Он просил, я принесла, мне нужно их передать...

– Нет его в изоляторе, отпустили...

– Почему я должна вам верить?

– Прошу!

Ефим посторонился, пропуская ее. Дана недоуменно пожала плечами и пошла к воротам. То ли девушка, то ли видение... Что, если первое? Ведь Макар не привиделся ему, и Ефима били по-настоящему. Если Макар побывал в изоляторе, то и Дана могла его навестить.

Ждать пришлось недолго. Девушка вышла из ворот, на ее губах – мягкая умиротворенная улыбка. Она убедилась, что Макара выпустили, и это ее радовало. Ефим во все глаза смотрел на нее, а она, казалось, его не замечала.

Возможно, и не заметила, если бы он не встал у нее на пути.

– Ну что, я был прав? – спросил он, с трудом и не очень удачно изображая непринужденность.

– Вы до сих пор здесь?

– Почему «вы»? Можно «ты». Меня Ефим зовут...

– Дана, – с легким, но все же заметным раздражением в голосе и только из вежливости представилась девушка.

Ей не нравилось, что Ефим преграждает ей путь, но и конфликтовать с ним она не решалась. Времена смутные, мало ли у кого что на уме.

– Я знаю, – сказал он.

И замер в ожидании встречного вопроса. Но Дану нисколько не волновало, откуда он мог узнать ее имя.

– Мне нужно домой, – сказала она.

– У тебя сумка тяжелая, я бы помог.

Он потянул руку к ее сумке, почти уверенный в том, что получит отказ. Но девушка позволила забрать у нее ношу. И даже сказала «спасибо».

– Я тебя провожу? – спросил он, вдохновленный первым успехом.

– Не надо, – не очень категорично покачала она головой.

– А как же сумка? Без меня она за тобой не пойдет...

– Да, наверное... Ты можешь проводить меня до такси.

Ефим поймал для нее машину, помог сесть. Она подвинулась на заднем сиденье в глубь салона, и Ефим решил, что это своего рода приглашение с ее стороны. Впрочем, он бы и без того поехал вместе с ней.

Он сел в машину рядом с Даной, захлопнул дверь и услышал удивленное:

– Ты со мной?

– Ты же место освободила.

– Это для сумки, не для тебя.

– Но я не мог тебя оставить...

С каждой минутой, проведенной рядом с ней, Ефим становился все уверенней в себе, в своих действиях.

– Я же просила – до такси, – возмущенно, но без упрека сказала она.

– Это не такси, это бомбила, – улыбнулся Ефим и взглядом показал на водителя. – Ты посмотри на этого типа! Ты знаешь, что у него на уме? И я не знаю. Может, он тебя ограбить хочет...

Мужчина за рулем дернулся, услышав это. И даже остановил машину, чтобы вплотную заняться наглецом.

– Ты, парень, что-то сказал? – возмущенно и с угрозой спросил он.

Короткие курчавые волосы, узкое, но сильно вытянутое книзу лицо, нос картошкой, кожа темная, хищный желтозубый оскал. Но Ефим знал, как поступать с такими типами.

– Я не понял, тебе что, слово давали? Ты чего в чужие разговоры лезешь? Может, выйдем, поговорим, а?!

Выходить водитель не захотел. И высаживать Ефима побоялся. Признав его силу, повернулся к нему спиной и повел машину дальше.

– А ты грозный, – с восхищением, как показалось ему, заметила Дана.

– Жизнь такая.

– Какая такая?

Она с интересом смотрела на Ефима, как будто только сейчас увидела в нем мужчину.

– Естественный отбор, выживает сильнейший...

– Лев тоже так говорит.

– Лев... – скривился Ефим. – Твой Лев – бандит!

Эта фраза прозвучала так хлестко, что Дана вздрогнула. Посмотрела на него с неуверенным протестом.

– Это неправда.

– Правда... Не знаю, что он там тебе говорит, но это правда... И я бандит... Пытаюсь убедить себя в том, что это не так, а сам знаю, что бандит. И драться приходилось, и стрелять, и даже убивать...

– Зачем ты это мне говоришь? – ошеломленно смотрела на него Дана.

– Затем, что Лев твой – зло... И я зло... Но еще можно все исправить...

– Что исправить?

– Себя... Мне все это надоело, я хочу выйти...

– Выходи, – сказала она, кивком головы показав на дверь.

– Ты не поняла, я хочу выйти из дела...

– Мне зачем это знать? – спросила Дана, чуть ли не умоляюще глядя на него.

– Затем, что все это из-за тебя!

– Из-за меня? – оторопело спросила она.

– Да, из-за тебя. – Ефиму не нужно было собираться духом, чтобы решиться на новое, более фе-еричное откровение. – Тогда, в поезде, я влюбился в тебя... Как будто в голове что-то замкнуло... Макар появился, с тобой был, братва вас встречала. Я должен был тебя отбить, а у меня друзья в бригаде, я к ним... В общем, теперь я тоже при деле, как твой Макар. Только он с Демидом, а я с Телегиным...

– Ты должен меня отбить? – спросила Дана, настороженно глядя на него.

– Да, у Макара.

– Зачем?

В ее голосе звучал откровенный испуг. Она не хотела, чтобы ее разлучали с Макаром.

– Затем, что ты мне нужна... Только ты не думай, это не признание в любви...

– Да уж, на признание не похоже...

– Понимаешь, я сошел с ума...

– Это видно.

В ее голосе звучало недовольство, но вместе с тем в какой-то степени она была польщена его признанием.

– И ты должна быть моей, – выпалил Ефим.

– Ничего я тебе не должна, – достаточно жестко отрезала она. И, немного подумав, добавила: – Ты правда псих...

– Да, но потому что...

– Хватит! – пальцами сжав свои виски, с истеричными нотками в голосе потребовала она.

– Что хватит?

– Какой же ты невыносимый!

– Чем я хуже Макара?

Ефим и сам понимал, что этот вопрос – верх глупости, но тем не менее озвучил его. А она дала ответ:

– Всем!

– Чем всем? – огрызалось его уязвленное самолюбие.

– Если ты сейчас же не выйдешь из машины, я пожалуюсь Льву, – не зная уже, как справиться с Ефимом, пригрозила Дана.

– Для тебя он, может, и Лев, но я ему не ягненок... Я его не боюсь.

– Тогда побойся самого себя. Ты мужчина, а ведешь себя, как баба... Смотреть на тебя противно.

Это был удар ниже пояса, но Ефиму хватило сил выдержать его. Он внутренне подобрался, замолчал и больше за всю дорогу не обронил ни звука.

– Ты только из машины не выходи, не надо, – сказала Дана с просительной интонацией в голосе, когда они подъехали к ее дому.

Дана боялась, что Макар увидит ее вместе с Ефимом. Он должен был, но не хотел ее понимать. И тем не менее исполнил ее просьбу, а на прощание сказал «до свидания».

– Не надо никаких свиданий, – умоляюще посмотрела на него Дана. – Это глупо и ни к чему... Все, забудь обо мне.

– А ты обо мне уже забыла.

– Да я и знать тебя не хотела... Извини.

Дана вышла из машины. Ефим взглядом проводил ее до подъезда. Он мог бы сказать, что чудес не бывает, если бы сама по себе встреча с этой прекрасной девушкой не была проявлением чуда.

Глава 9

Ларку можно было сравнить с первобытной амазонкой на боевом коне. Ефим лежал под ней, а она скакала на нем голышом и стонала. Ей было чертовски хорошо, он же чувствовал себя подлецом.

Он уже давно должен был сказать ей, что любит другую; как раз сегодня в очередной раз собрался сделать это, но вместо того попал к ней под седло. Его родители на работе, она с утра пришла к нему домой, делать было нечего...

До финиша им оставалось совсем немного, когда неожиданно дверь отворилась и в комнату вломился Болек. Ларка была обращена к нему спиной, но, услышав шум, повернулась. Болек прикипел взглядом к ее бюсту.

– Какого черта? – спросил Ефим.

– Разговор есть... А тебе, Ларис, я, кажется, говорил, чтобы ты с ним не прыгала!

– А кто ты такой, чтобы ей такое говорить? – шалея от возмущения, спросил Ефим.

Ларка уже соскочила с него и сейчас торопливо набрасывала на себя простыню, а Болек нагло и с вожделением смотрел на нее.

– А ведь я тебе сейчас глаза вырву! – пригрозил Ефим.

Но Гуревич вытащил из-за пояса брюк «ТТ» и наставил его на Ефима.

– Иуде слово не давали!

– Кому?! – оторопело протянул Ефим.

– Иуда ты!

– За слова отвечаешь?

– Ответишь ты!.. Ну чего стоишь, шалавая? Очисти помещение!

– Ну зачем ты так? – чуть не плача, спросила Ларка.

– А зачем ты с ним? Мы же говорили... Пошла!

Она вышла из комнаты, и тут же рядом с Болеком появился Заз. Он смотрел на Ефима с молчаливым осуждением.

– О чем ты с ней говорил?

– Лариска – твоя девушка, не вопрос, – опустив руку с пистолетом, хищно сощурился Болек. – Я это знал и терпел. Но ты предатель, и теперь у меня нет перед тобой никаких обязательств... Она спала со мной. Пока ты в армии был, она со мной спала. И дальше спать будет, потому что я этого хочу. А ты не жилец на этом свете... Иуда повесился, и ты можешь удавиться, если мужик...

– Ты что, головой сильно стукнулся?

– Тебя из ментовки когда выпустили? Позавчера? А нас только сегодня.

– Ну и что?

– А то, что мент тебе руку пожал... Заз, ты видел, как мент ему руку пожал?

– Видел.

– Ну и что скажешь, иуда? – люто посмотрел на Ефима Болек.

Слов не было, да и говорить он не мог – от волнения у него перехватило горло. Руки и ноги налились слабящей тяжестью, под коленками образовался тряский холодец.

– Ну, и чего молчишь? – злорадно спросил Болек.

– Мне отомстили, – выдавил Ефим. – Они спрашивали, где оружие, а я сказал, что жаловаться буду... Вот, синяк под глазом и ливер весь отбили...

– Кто отбил?

– Макар!.. Они меня в камеру к «речным» бросили... Их там много было... Я сказал ментам, что в прокуратуру жаловаться буду, они испугались, но отомстили... Мент меня сам за руку схватил, спасибо, говорит, Болотов, ты нам очень помог... А не помогал я им...

– Да, он так и говорил, что ничем им не помогал, – заступился за Ефима Заз. – Я слышал. И руку он выдернул, я видел...

– Видел, слышал... – поморщился Болек. – А кто ментов на стволы навел? Четырнадцать автоматов. Четырнадцать!

– Но я здесь ни при чем, – растерянно мотнул головой Ефим. – Я им ничего не говорил...

Он понимал, что Болек вправе не верить ему. А за предательство в бригаде одно наказание – смерть... Все-таки случилось то, чего он так боялся. Все-таки увидела братва, как мент жал ему руку.

– Никто ничего не говорил, а стволы у ментов. Как это объяснить?

– Не знаю.

– Зато я знаю... Заз, ты бы вышел, посмотри, как там Лариска. Только руками не трогай. Может, она и шалава, но моя...

– Я почему-то думал, что моя, – не удержался Ефим.

– Лариска для тебя в прошлом, – жестко усмехнулся Болек. – Ты думай, как шкуру свою спасти...

– Как?

– Менты тоже люди, у них есть семьи, им жить хочется. Любого мента за жабры можно взять. Найдем этого мента, который тебя подставил, поговорим с ним по душам. Если он скажет, что это подстава, тогда жить будешь...

– Так в чем проблема?

– А проблема в том, что стволы у ментов. И Телегин уверен, что это ты их ментам слил. Он, считай, тебя приговорил. И только я один могу дать тебе шанс. Только я. Потому что меня он может послушать, а тебя – нет...

– Ты же мне друг, ты должен помочь мне.

– Друг... – поморщился Болек. – Может, потому и хочу, чтобы все было по-человечески. Чтобы совесть потом не мучила... Короче, я даю тебе шанс, а ты отдаешь мне Лариску.

– Как я могу ее тебе отдать? – возмутился Ефим. – Она же не вещь...

– Ты скажешь ей, что не хочешь быть с ней, хочешь, чтобы она спала со мной...

– Ну нет, так дела не делаются, – запротестовал Ефим.

– Тебе надоело жить?

– Ты знаешь, я не люблю Ларку. Я Дану люблю, мы с ней уже встречались, я ее домой провожал. Она к Макару пришла, я как раз выходил, а его уже выпустили... В общем, Ларка мне правда не нужна... Но я раньше ей об этом не говорил. Поэтому и сейчас говорить ничего не буду. Если бы я раньше сказал, а так выходит, как будто я очканул... Не, с таким позором я жить не хочу...

– А то, что братву предал, это не позор?

– Я не предавал.

– И Ларку мне не отдашь?

– Если она хочет, забирай. А говорить я ей ничего не буду... И толку в том, если скажу...

– Большой толк. Женщина многое делает назло – и себе, и другим, и всем вместе...

Так что, скажешь?

– Ничего я ей говорить не буду.

– Тогда собирайся, поедem к Телегину... Только смотри, без глупостей...

Ефим оделся, вместе с Болеком вышел из дома, сел в машину, позволив увезти себя в спортзал, где оказался под замком в безоконной кладовке. Здесь можно было сделать с ним все, что угодно. Правильно говорили менты – ничего хорошего в банде Телегина его не ждет. Но ведь они же и подставили его под удар. Чем тогда они лучше того же Болека?

Ефим лежал на пыльных матах, вздрагивая от каждого близкого звука. Он чувствовал себя узником, которого вот-вот должны были расстрелять по приговору суда... И надо было ему связаться с бандой? И Дану своей не сделал, и жизнь может потерять...

Шло время, но за ним никто не приходил. Наступил вечер, исчезли приглушенные звуки – спортзал опустел. Чуть позже послышался скрежет и лязг железа – кто-то подпер дверь с другой стороны и навесил на нее замок. И снова гнетущая тишина. В конце концов Ефим понял, что его заперли здесь на ночь и без охраны. О том, чтобы бежать, не могло быть и речи. Во-первых, дверь была слишком крепкой; во-вторых, в нем еще не угасла надежда оправдаться перед братвой. Ведь не застрелили ж его сразу, значит, у того же Телегина есть сомнения. Да и Болек, судя по всему, не очень-то уверен в своей правоте...

Телегин появился только утром. В кладовку он зашел в сопровождении Болека и двух своих громил-телохранителей. Ему подали раскладное кресло, он удобно устроился в нем, забросив ногу на ногу. И только потом посмотрел на Ефима, замершего в выжидательной позе.

– Ты знал, где были спрятаны автоматы, – утвердительно сказал он. – Тебя допрашивали менты, тебя отпустили раньше всех. И еще тебя благодарили за оказанную помощь. Думаю, здесь не надо ничего объяснять, думаю, что и так все ясно... Что с тобой делать, Болотов?

Вопрос был риторический.

– Про автоматы я ничего и никому не говорил, – дрожащим голосом сказал Ефим. – И менты меня подставили...

– Не убедил, – покачал головой Телегин.

– Но это правда.

– Может быть, – пожал плечами тренер.

Ефим с удивлением посмотрел на него.

– Скажи спасибо своему другу, – взглядом показав на Болека, сказал Виктор Яковлевич. – Он узнал, кто жал тебе руку. Это плохой мент, подлый, он мог подставить...

– Ну вот, – облегченно вздохнул Ефим.

– Что вот?.. Мент мог подставить, а кто ему про стволы сказал? Стволы у них, а это большая для нас потеря...

– Но я никому про стволы не говорил... Может, они сами их нашли. Там, если Плешивую поляну прошерстить, их не так уж и трудно найти... А они сами знали, что стволы там могут быть... Ничего я им не говорил...

Телегин вопросительно посмотрел на Болека.

– Я не знаю, может, говорил, а может, и не говорил, – пожал плечами тот. – Но я знаю самого Ефима, он никогда стукачом не был...

– И бабы шлюхами не рождаются. Жизнь их такими делает...

– Утверждать не буду. Но я бы дал Ефиму шанс...

– Какой шанс?

– Он с Макаром в одной камере был, его «речные» под орех разделали. И он в бабу влюблен, с которой Макар живет...

– Он с Даной живет, – кивнул Телегин. – Мне она тоже очень нравится...

– А он влюблен. Да, Ефим?

– Это здесь при чем?

– А при том, что «речные» нас под ментов бросили. Это война, и, если мы не сделаем «речных», нам крышка... Короче, у тебя к Макару личные счета, и ты должен его сделать. Пистолет мы тебе дадим, а там видно будет, что ты за человек...

– То есть я должен его убить?

– В этом и заключается твой шанс. Или ты его, или мы тебя...

Ефим думал недолго. С Макаром у него действительно личные счета, и, если ему представляется возможность покончить с ним, почему он должен отказываться?

Глава 10

Высотный панельный дом с облезшей местами краской на стенах, подъезд с выбитой входной дверью, первый этаж в зловониях мочи, такой же загаженный лифт... Слишком хороша была Дана, чтобы жить в таком убожестве, но ведь и Макар – не подходящая для нее пара...

Ефим знал, в каком подъезде она живет, – сам ее к дому на такси подвозил, но у него не было информации, в какой квартире ее искать. Впрочем, он надеялся определить это по ее запаху – нежному и волнующему... Но в подъезде так воняло, что даже собака не смогла бы справиться с такой задачей.

В дом Ефим вошел вечером, еще до темноты. В техническом халате, в кепке набекрень, в руках метла, также для маскировки к нижней части лица была приклеена борода. Пистолет с полной обоймой за поясом, цилиндр глушителя в кармане, который оттягивала еще и початая бутылка водки.

Дворники в подъездах не убираются, но женщина, только что прошедшая мимо, ничуть не удивилась его присутствию. Она только поморщилась и помахала рукой перед своим носом, отгоняя густой перегарный дух, исходящий от Ефима. Если уж маскироваться, то в полной мере.

Он вяло водил метлой по межэтажной площадке, когда услышал знакомые голоса.

– Только недолго, туда и обратно, – сказала Дана.

– Это всего на час, ну, может, два максимум, – пообещал ей Макар.

Голоса доносились с восьмого этажа, но, когда Ефим добрался до него, Даны и Макара там уже не было, только слышно было, как гудит лифт.

Четыре двери на площадке, и не понять, за какой их квартира. Но Ефиму это и не обязательно знать. Он займет позицию на девятом этаже и, когда Макар вернется домой, спустится к нему. Ефим даже не сомневался в том, что сможет нажать на спусковой крючок.

Беспокойный слух уловил звук, с каким в замке проворачивается ключ: кто-то из жильцов дома собирался покинуть свое жилище. Ефим поспешно поднялся на девятый этаж.

Дверь с грохотом закрылась, чуть погодя с шумом раздвинулись створки лифта, человек зашел в кабину и поехал вниз. И снова Ефим спустился на восьмой этаж. Здесь не воняло мочой, и, пожалуй, он смог бы определить по запаху, в какой квартире живет Дана. И ему даже показалось, что он чувствует ее нежный аромат, но к какой двери ведет это благоухание, определить не смог. Зато он увидел щель между дверью и коробкой возле той квартиры, из которой только что вышел человек. Видно, он с такой силой захлопнул свою дверь, что приоткрылась незапертая соседская. Возможно, Макар так спешил, что пренебрег собственной безопасностью. А может быть, Ефим ошибался, и за приоткрывшейся дверью жили совсем другие люди.

Но, как оказалось, интуиция его не подвела. И обоняние тоже: в квартире пахло Даной, но вместе с тем и Макаром. Аромат свежей розы смешивался с запахом табака и несвежих носков. Квартира большая, трехкомнатная, мебель дорогая и новая, обстановка как в лучших домах – персидские ковры на полах, в стенке хрусталь. Огромный японский телевизор, видеомagneтофон, гора кассет с боевиками и мелодрамами. В спальне широкая кровать с шелковым балдахином, милые женские штучки на трюмо, розовые занавески с рюшечками под цвет покрывала. Здесь пахло только Даной. В другой комнате, поменьше, тоже стояла кровать, но полуторная, и царил здесь суровый мужской дух... Осматривая квартиру, Ефим решил, что Дана и Макар спят порознь, каждый в своей комнате. Он хотел, чтобы так и было. Но вряд ли желаемое было действительностью: слишком уж хороша была Дана, чтобы Макар мог удержаться от соблазна.

Макар обещал Данае, что дома они будут через час-два, но вернулись они лишь под утро. Ефим ждал их на кухне и чуть не позволил застать себя врасплох. Темнота и тишина уморили его, он заснул в ожидании – и, если бы не чуткий сон, мог бы прозевать их появление. И если бы Макар забрал у него подготовленный к бою пистолет, тут же пустил бы его в ход.

– Я тебя хочу, – услышал он мужской голос.

Макар был навеселе, а Дана его женщина – нетрудно было догадаться, что последует за этой фразой. Но девушка закапризничала:

– Я устала, я хочу спать.

– Ты же сказала, что сегодня будешь.

– Но я правда устала... Давай завтра!

– Завтра, завтра... – пробурчал Макар, направляясь в кухню. – Завтраками сыт не будешь...

Щелкнул выключатель, зажегся свет, больно резанув Ефима по глазам.

Затем в кухню зашел Макар, открыл холодильник и только тогда заметил стоявшего за спиной Ефима. И тут же ствол пистолета уперся Макару в щеку.

– Эй, ты чего? – выронив только что взятую бутылку коньяка, пробормотал он.

– Молись! – не своим голосом сказал Ефим.

Как это ни странно, но Макар узнал его.

– Ефим, ты?! – ошеломленно протянул он.

– Я.

Ефим чувствовал себя идиотом. Он уже давно должен был нажать на спусковой крючок, но палец как будто парализовало.

– За Данкой пришел? – с гримасой ужаса на лице спросил Макар.

Он был очень напуган, но у него борцовская подготовка, он мог взять Ефима на прием, выбить пистолет из рук. Надо стрелять, но палец на спусковом крючке отказывался повиноваться.

– За тобой... На колени!

– Да, да...

Макару не понадобилось усилие, чтобы опуститься на колени. Он, казалось, всего лишь дал волю своим ослабевшим от страха ногам и рухнул на четвереньки. Ефим приставил ствол к его затылку.

Он уже готов был нажать на спусковой крючок, когда в кухню зашла Дана. Осознала смысл происходящего и остолбенела. Девушка была невероятно хороша – модная прическа, роскошное вечернее платье, в котором она могла бы затмить любую королеву. Глядя на нее, Ефим едва не потерял над собой контроль, и, если бы Макар нашел в себе смелость воспользоваться моментом, он мог бы вырвать у него из рук оружие.

– Данка! Он за тобой пришел!

Дана всмотрелась в лицо киллера и узнала его, несмотря на искусственную бороду.

– Ефим?! Не убивай Льва!

– Какой он Лев? – презрительно скривился Ефим. – Он же овца, посмотри на него...

– Не убивай, – умоляюще смотрела на него Дана.

– Не убивай!!! – проскулил Макар.

– Хочешь, я с тобой буду? – спросила она. – Брошу его и буду с тобой, хочешь? Только не убивай...

– Это шанс, парень! – поспешно закивал Макар. – Если Дана сказала, это железно. Если сказала, что будет с тобой, то это навсегда! Отвечаю, мамой клянусь!

Ефима уже тошнило от этих соплей. И стрелять, как ему казалось, он уже мог. Но хотелось, чтобы Дана убедилась, с какой тряпкой жила все это время. С виду могучий дуб на поверку оказался трухлявым.

– А тебе она говорила?

– Да, конечно... Как собака предана...

– Зачем же ты тогда отказываешься от нее?

– А зачем она мне? От нее же толку – ноль. Готовить не умеет, в хате не убирается. А что в постели, лучше не спрашивай. Мисс фригидность двадцатого века...

– Что ты такое говоришь? – Дана потрясенно смотрела на Макара не в состоянии поверить в то, что он мог такое сказать.

Он же усиленно подмигивал ей, даже не замечая, что Ефим видит эти его жалкие потуги. Макаром руководил животный страх, который и спустил с цепи его язык. Дана это понимала, потому и была так возмущена его предательским откровением.

– Что я говорю? Правду говорю... Ефим, она мне правда совсем не нужна. Забирай ее и уходи, а я тебе за это только спасибо скажу... И даже денег дам... Там тайник под ванной, там двадцать зеленых тонн, можешь все поднять, я не обижусь...

– Ну, ты и чмо!

– Ефим, не убивай!.. Данку возьми, деньги возьми, только не убивай! – жалобно скулил Макар.

– А что я старшим скажу?

– Так это они? Их заказ, да?.. Зачем тебе все это, парень? Сегодня меня замочить, завтра тебя... Забирай деньги, забирай Данку, она в Москву давно хочет, езжайте туда. А я про вас забуду, не до вас мне...

– Правда, Ефим, давай уедем, – посмотрела на него Дана. – Я тебе слово даю, что буду с тобой. Мы с тобой поедem в Москву, там жить будем...

– Ты это серьезно?

Невозможно было поверить, что все так просто – забрать Дану и уехать с ней далеко-далеко в Москву. Они будут жить вместе, он будет счастлив...

– Только Льва не убивай.

Он хотел ей верить, но его очень смущало ее условие. Он не кровожадный, он мог бы пощадить Макара, но ведь для того и распинается перед ним Дана, чтобы спасти его от пули. И как только Макар окажется вне опасности, они оба тут же забудут свои слова.

– Ты его любишь? – спросил Ефим.

– Нет, – мотнула головой Дана. – Правда нет... И полюбить не смогу, потому что он тряпка... Но я не хочу, чтобы ты его убивал. А тебя возненавижу, если ты его убьешь...

– А если нет, то ты уедешь вместе со мной? Прямо сейчас?

– Да.

Не должен был Ефим верить ей, но безумная любовь – плохой советчик.

– Тогда собирайся, – сказал он.

– Вот и правильно, парень. Зачем тебе вся эта мутота, если можно с Данкой жить – не тужить... – обнадеженный благополучным исходом, заговорил Макар. – Она девчонка классная, но есть проблемы. Чтобы дом полная чаша, любит. Очень много ей не надо, но чтобы минимум был – косметика там, белье, шмотки. Это дело она любит... В постели – полный ноль, сразу говорю. На кухне то же самое... Если честно, мне все это надоело, но если у тебя любовь, стерпишь... Я тебе сейчас кое-что покажу...

Как ни бдел Ефим, Макар все же сумел его заговорить. И пока трепался, вернул себе и силу, и решимость.

– Тебе понравится...

Ефим должен был стрелять, когда Макар попытался встать на ноги, но замешкался, за что и поплатился. Он получил столь мощный удар по ногам, что с подскоком упал на спину, больно стукнувшись головой об угол табуретки. В падении он успел нажать на спусковой

крючок, но пуля ушла куда-то в потолок. А «ТТ», скользя по полу, исчез где-то за холодильником.

– Ну, ты и урод! – взревел Макар, наваливаясь на охотника, ставшего вдруг жертвой.

Ефим пытался сопротивляться, но, увы, силы были неравны. Макар взял его на болевой прием – захватил ногу и выкрутил ее с такой силой, что смерть вдруг показалась единственным спасением от невыносимой муки.

Ефим лежал на животе, с воем хлопая руками по полу, а Макар наслаждался его мучениями. Дана стояла в дверях, молча наблюдая за происходящим. Ефим видел ее ноги – она уже была в джинсах, в туфлях на низком каблуке. Похоже, она действительно собралась в дорогу. Но, увы, ему сейчас не до нее. Похоже, в свой последний путь он отправлялся в полном одиночестве.

– Смотри, Данка, как козлы дышат! – гудел Макар. – Ты самая лучшая, извини за то, что наговорил. Это чтобы лоха развести...

Но Дана молчала. Или Ефим вдруг оглох от боли... Может, и оглох, но точно не ослеп. В пространстве между боковой стенкой холодильника и дверным проемом он увидел опутанный паутиной пистолет. Только руку протяни. Но Макар, увлекшийся ролью палача-мучителя, не замечал оружия. Зато Дана стояла так, что могла видеть, куда потянул руку Ефим...

Он мог бы дотянуться до пистолета, но как взять его в руку и уж тем более выстрелить в Макара? Невыносимая боль не позволяла ему вырваться из вражеских рук, у него не было никакой возможности занять более или менее удобное положение для стрельбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.